

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

В мѣ "Унионъ"
состоится
АНОНСЪ. СОСТОИТСЯ ТОЛЬКО ОДИНЪ КОНЦЕРТЪ
ВЪ ЗАЛѢ НОВОЙ БИРЖИ
Въ этомъ вѣсѣлѣ 6 страницъ

Состоится для Концертнаго Дѣла
Маріи Ивановны Долиной
исполнителю артистическому

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 1 (65).

Февраль. 2007 год.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Долг
Одессы —
памятник
БабелюИнициатива Всемирного
клуба одесситов

У каждого города есть значимые, узнаваемые сооружения или памятники. Для Парижа это Эйфелева башня и собор Парижской Богоматери, для Лондона — часы Биг-Бен... Так можно перечислять и перечислять... Во всем мире знают и наш город — Одессу. А точнее, знают Потемкинскую ("Гигантскую") лестницу, оперный театр и имя писателя, прославившего Одессу в мировой литературе — имя Исаака Бабеля.

Нет сегодня в Одессе памятника этому литератору. Уже есть мемориальная доска на доме, где он прожил несколько лет, есть название улицы на Молдаванке, опозитизированной им в "Одесских рассказах"... А памятника нет!

Не то чтобы одесситы — народ забывчивый. У нас ведь воздвигнуты два памятника А.С. Пушкину, памятник Адаму Мицкевичу. Совсем недавно — памятник Ивану Франко. А писателю, чье имя отождествляется с именем Одессы, родившемуся в год столетия города, погибшему в сталинском ГУЛАГе от пули чекиста, так и не нашлось времени, разума, совести возвести памятник.

Мы убеждены, что на памятник И. Бабелю в Одессе должен быть объявлен широкий конкурс. Мы убеждены, что граждане города должны подсказать, где стоять этому монументу — на углу Дальницкой и Балковской или в Александровском парке. Мы убеждены, что создание такого памятника еще больше объединит всех, кто любит Одессу, считает себя одесситами.

Бабель был писателем короткой фразы и острой метафоры. Как хотелось бы, чтобы и это прочиталось в будущем монументе.

Уверены, что одесситы всех стран воспримут нашу идею как свою, помогут проектами, мыслями и, главное, деньгами. Вспомним, что на первый памятник Александру Пушкину по копейке собирали деньги одесситы, прежде чем провести широкий конкурс.

Бабель любил Одессу до последнего вздоха. И Одесса с первых его рассказов, опубликованных в 1916 году, вот уже более девяноста лет, отвечает этой любви — взаимностью. Но пусть взаимность станет не виртуальной, а воплотится в металл или мрамор. Будет осязаемой и рукотворной, то есть созданной любовью граждан города к своему великому писателю.

Юрий Рост — великолепный фотограф, журналист, писатель. В этом году московский журнал «Ностальгия» издал календарь фотографий Юрия Роста. Это одновременно галерея знаменитых людей — от Андрея Сахарова до Беллы Ахмадулиной, здесь друзья Юрия Роста, его собеседники в телевизионной «Конюшне Роста». И среди них умерший в 2006 году великий художник Давид Боровский, одессит, родившийся и выросший на улице Успенской.

Кстати, сам Юрий Рост, друг Всемирного клуба одесситов, — киевлянин. И его герои — жители уже несуществующей страны, СССР.

Фото Давида Боровского Юрий Рост сопроводил коротким эссе:

«Слава знаменитой Таганки, удачи многих знаменитых драматических и оперных спектаклей на лучших сценах мира в значительной степени predeterminedены участием в них Давида Боровского. Тихий, мудрый, неспешный, ироничный, очень домашний человек, почитаемый в мире непререкаемым авторитетом, которого не назовешь ни первым, ни вторым, ни третьим, прижимает меня к груди, чтобы я замолчал:

— Перестань!

Но я успеваю увернуться и, оглянувшись в зрительный зал, закричать:

— Потому что он вне ряда вообще! В мире!»

Дорогие одесситы, верю в вашу поддержку!
Помогите передать мои координаты сценаристу Дмитрию Вагилу Костроминскому!

Дима! Тебя разыскивает твоя одокошница. У меня пропал твой одесский номер телефона. Вынуждена прибегнуть к такой оригинальной форме поиска.

Впрочем, все же верю.
da-da21@yandex.ru

Привет, всем, кто любит Одессу! Ищу одесситов, проживающих в г. Москве, или из Зеленограда — пообщаться. Мне пришлось переехать из Одессы в новый край, но так хочется родного! Желая всем хорошего настроения!
Оксана, oхара2001@mail.ru

Всем добрый вечер!
Ищу координаты своего преподавателя (ОНАС им. А.С. Попова, 2002 г.), настоящего одессита — Мартыновского Сергея Владимировича. Помогите, пожалуйста! Заранее всем благодарна.
Колесник Юлия, ovt@homeineta

Happy Birthday!
Happy Birthday to Evgeniy Krichmar, Author of the best Odessa's song "Rahnet Morem"
Константин Швуйн, shvuin@earthlink.net

Окончил ОБАКОМУ в 1989 г. 12 летария. Живу в Москве.
Друзья, отзовитесь!
Иван Додротин, dia-do@mail.ru

Обращаюсь ко всем, кто учился в музыкальной школе № 2 на Пираспольской, 20. Прошу откликнуться бывшие, учившиеся у Леонида Соломоновича Перельмана. Собираю материалы для печати о незабываемом преподавателе и директоре школы № 2. Заранее благодарю всех откликнувшихся за помощь и память о достойном человеке.
Всеволод Верник, seva37@mail.ru

Привет из Германии, из Кельна! Желая вашему сайту счастливого плаванья в Интернете, то есть хорошей посещаемости, позитивной настроенности и чтоб он приносил радость не только одесситам, а и всем его посетителям.
Владимир, админ "Русскоязычного Кельна",
www.osan-koeln.net,
wlad-i-mir@mail.ru

Сегодня получила электронный адрес газеты ВКО. Красивый сайт и много интересного — пока что только просмотрела материалы, а читать буду позже. Вообще-то, ощущение как в сказке — границы сняты, и вот моя Одесса, прямо передо мной... Очень скучаю...
Вера Зубарева
vzubarev@sas.uhenn.edu

Спасибо, Одесса!

Готов, готов и еще раз готов, отвечая на твой вопрос!

На Фонтане в ДСК "Солнечное" была дача. Прабабушка Вера Алексеевна Лосицкая, профессор-гинеколог с мировым именем (шов Лосицкой ее), купила ее при переезде в Одессу в 54-м. Потом партия позвала ее в Запорожье организовывать институт усовершенствования врачей, и ее дочь с сыном через год после ее отбытия тоже уехали из Одессы. Это был 57-58 год. Но дача жила с нами каждое лето. В 65-м родился и я. А через год меня повезли на Фонтан. Даже тогда, когда бабушка (дочка В.А.Л.) стала инвалидом и передвигалась на костылях, дача жила. И только тогда, когда стала необходима операция желудка, и ходить без посторонней помощи она перестала, дачу продали.

Случилось это в прошлом году. Деньги появились хорошие. Торе мое тоже!

ОДЕССА! Моя Одесса, где я знал все, все переделки, оперный, Водяного, кофе в порту и т.д. считал и считал своими... Да что и говорить, как у Кривяки: "Как и в детстве, я по солнечному городу гуляю..."

Теперь везде продают импортные лилии. А я их не ем. Это не то. Вот был настоящий вкус лилий, собранных с волногреза на 12 станции. Но я там палю еще дикие пляжи. А какой "тани-толкай", трамвай № 19 ходил на Дачу Ковалевского! И как уютно было поехать в монастырь у белого маяка.

А наша дача была в кооперативе рядом с домом отдыха "Маяк" на улице Костанди. И как приятно всегда было идти в музей по Короленко, а потом в жару спускаться в фонтан.

И какой уютный советской свободы был "Ночной кинозал" по телевизору. И это была Одесса. А куртинский "Тамбур" не мог быть, только своим. И самое вкусное вино я пил не только в Грузии, а и в "Оксаните Украини" на Карла Маркса. И какими родными для меня человеком стал Пушкин благодаря не только бабушке с Урала, а и Одессе. По Пушкинской я редко ездил первым трамваем. Ходил. По ней надо ходить, гулять! И если меня спросят, что бы я никогда не променял в жизни, кроме родных, я ответил бы моментально — Одессу, потому что она часть моей семьи, меня.

Купаты я начал есть не на Кавказе, а в Одессе, и знаю, что День юмора в Одессе не один день в году, а все дни. Душный и потный Театр музыкального рядом с площадью Мартыновского, а самый уютный оказался — с Кальманом, Штраусом, "Одесскими лиманами", Водяным, Крупником, Сатосовой, Мадускиной. А как любил я в Театре Иванова Бориса Зайденберга (любимый актер) и Барда-Склярченко!

Что и говорить! Для меня море — только Одесса, оперетта — только Одесса, Пушкин — сразу Одесса! И многое другое. И еврей — тоже Одесса. Вот сам не еврей, а в следующем году хочу старшую дочку отдать в запорожскую еврейскую гимназию "Алеф". Она действительно самая лучшая у нас в городе по знаниям и отношению к детям (там они для учителей личности). И это благодаря Одессе! Полню, как грузины покупали паспорта, переписывая себя еврейми, дабы уехать за кордон, так и я с большим рвением переписал себя евреем, чтобы легче было отдать дочку в эту гимназию. Что и говорить! "Ша, мамочка!" — и всплывает Одесса. Где же еще могли бы так баловать детей, так уютно-красочно пичкать их едой на пляже? А как их одежали! Это целая книга воспоминаний.

Даже еврей не стоит ничего, если он не одессит. Помню моего товарища Мишу Гольдфарба с сестрой поликлиники на Фонтане. Как он рассказывал анекдоты! Особенно про евреев. Говорят, что не политкорректно все время упоминать евреев. А у меня сразу столько теплых воспоминаний об Одессе. И рядом греки, армяне хаклы, русские, грузины, болгары и многие, многие. Сколько я с вами проехал от Кукинова поля на 17-м или 18-м трамваях, и как было приятно ехать до десятой станции катером из порта!

Послушайте, Одесситы (пишу с большой буквы!), хватит травить душу. Опять свдёмся — и не пропадайте!!! А мое письмо можете опубликовать.

До связи и встречи, родные одесситы, с которыми я провел все свои летние дни детства, и Одессу считаю таким же родным городом, как и свое Запорожье!

Анджей

andjei-19-zr@yandex.ru

Мой школьный друг уехал навсегда. Вот уже на протяжении 10 лет я тщетно пытаюсь найти одного хорошего человека, моего школьного друга Станислава Ройтбурга. Америка небольшая, а город Миллуоки еще меньше, но все мои старания даром. Сава, ты переезжаешь с улицы на улицу, ты меняешь имейл-адреса. Пора прекратить эту гонку и просто попить пива!!! Очень скучаю.
Цыганков Сергей, lokistrike@mail.ru

Духовиком Одессы
Пользуясь случаем, хочу передать привет и наилучшие пожелания музыкантам-духовикам Одессы. Тем, кого я знаю по Одесской консерватории (1975-1978 гг.), по военному оркестру на 6-й станции Большого Фонтана (дирижер А.Я. Салик). Отзовитесь, кто помнит меня.
Борис, boris04@mail.ru

Здравствуй, Леонид.

Меня зовут Лика. Сама я не одесситка, но являюсь куратором галереи в Цифре (Израиль), в которой выставляются два одесских художника: Виктор Штиглицберг и Наталья Тончарова-Кантор. Наташа по рождению харьковчанка, однако все ее творческое становление произошло в Одессе.

В рамках художественного проекта "География языка", призванного показать "лица" разных художественных школ, в Иерусалиме прошла выставка художников-одесситов. Кроме работ одесситов Израиля были представлены работы Евгения Рахманина и Сергея Лыкова (которые и сейчас в Одессе) из частных коллекций. Выставка сопровождалась статьей об особом характере одесской живописной школы. На сегодняшний день это лучшая из организованных мной выставок.

Это я все к тому, что хоть сама и итересная, но к Одессе отношусь тепло и даже что-то делаю для процветания одесситов в Израиле. К сожалению, ко времени той выставки мне не удалось добраться до коллекции Ефима Маджженского. И вот только спустя год попалась статья о нем с адресом сайта.

В статье упоминался программист и коллекционер Евгений Каплинский, с которым была встреча в вашем клубе. В интервью он говорил, что его интересуют каталоги выставок одесских художников. Я бы могла послать ему каталог нашей выставки и информацию о художниках. Если у вас есть какие-то его контакты (лучше всего имейл), я была бы очень благодарна.

Больше того, у нас сейчас создана некоммерческая организация для продвижения всяких художественных проектов. Некоторые из этих проектов международные (например — Международный фестиваль еврейских галерей в Иерусалиме). Не исключено, что Евгению Каплинскому было бы интересно в каком-то из проектов участвовать.

Всего доброго,

Лика.

тел: 972-(4)-69-23-668,
972-544-33-74-38

nicka-art@mail.ru

сайт галереи: www.nicka-art.com

Добрый день всем, мои дорогие и любимые одесситы! Сердечное спасибо за прекрасный сайт — добрый, поистине одесский. Для того, кто родился, вырос в Одессе, навсегда останется одесситом, где бы он ни находился, так как это у него в крови — и спасибо Богу и родителям за это. Дерзайте, мои дорогие, у вас все получится! Мысленно, сердцем и делом я с вами. Возможно, выпускники школы № 31 87-89 гг. выпуска отзовутся. Буду очень рад!

С уважением, Пиндеев Александр (ст.), pinder@inbox.lv

Уважаемый Леонид! Огромное спасибо за оперативность. Ваш сайт не просто смотрю, а изучаю его каждый день, ожидая все новых и новых новостей из Одессы. На себе в полной мере почувствовал, что бывших одесситов не бывает, и ваш сайт словно глоток родного воздуха. Еще раз спасибо.

С уважением, Вагим Авлошенко, vavloshenko@mail.ru

Одесса город маленький:

Известно всё и все!

Дела полуподвальные,

Привоз в его красе.

Находишься, слушаешь,

И хочется туда —

Где травы не порушены,

Где в родниках вода.

Уйти, надолго спрятаться,

От всех и от всего.

Пусть дни лавиной катятся

Обрушенных снегов!

Трозой! Разрядом молнии! —

Насытиться хочу,

Морского штурма

валнами...

Потом — зажечь свечу!

За город мой —

не маленький,

Воститивный мир добра,

Воскликнуть величавое:

"За здравие! Ура!"

Петр Корнейчук

kobra_11@mail.ru

В ПРОСТРАНСТВЕ УТРАТ

Ничего не поделаешь, в этом пространстве надо выживать. Ощущение утраты никогда не делается привычным. На этот раз утешает, пожалуй, лишь та неповторимая бесшабашность, с которой ушла всеми любимая Ольга Юдовна Ноткина.

У нас с друзьями есть сложившийся ритуал. Каждый год, 31 декабря, мы ходим... Нет, не в баню, а в Воронцовский переулок, поднимаемся по заветной лестнице на верхотуру, к Фельдману и Ноткиной. В выгороженной из лестничной клетки кухне-прихожей — трогательный санузел за занавеской. Две комнатухи, обустроенные в стиле хрущевской оттепели. Ничего нарочито декоративного. Много книг, папок, подшивок. Увидев нашу теплую компанию (Саша Розенбойм, Миша Пойзнер, Сема Вайнблат, Губарь), Ольга Юдовна радостно пританцовывает. Нас любят, нас ждут, нами интересуются вдохновенно. Мы сюда пришли, следовательно, год заладится!

Форшмак, селедочка, маслинки, оливье... Здравицы вперемежку с историями о Строганове и Ришелье, Бабеле и Катаеве, исторической топонимии и книговедении, старом быте и алкогольной топографии. Курьезы, анекдоты, легенды местного разлива, ироническая пикировка. У Ноткиной острый язычок, умеет припечатать, ежели кто заслужил. Виктор Семенович не хуже нашего лихо опрокидывает рюмашку сорокоградусной, Оль-

га Юдовна уважительно пригубливает сухенькое. Нас это врачует, нас это поддерживает — заразительный пример интеллигентного абсентизма, инфантильной гармонии в недрах социально плотной, засасывающей среды всеобщей мелочной обеспокоенности и вздрюченности. Не знаю, как ребята, а я всегда чувствовал здесь себя внуком, безответственным и абсолютно защищенным.

Перечитывая "Макбета", наткнулся на словосочетание "отмель времен". Так можно типизировать их мир, пространство обитания, куда нас охотно пускали для подзарядки. Может быть, это пространство формировалось лейтмотивом судьбы Ноткиной и Фельдмана — библиографией и краеведением. Мы всего лишь ученически макетировали мизансцены региональной истории, а они сами по себе являли живую ретроспективную мизансцену. Остается вскрикнуть: "Рухнул дуб". Для нас и в самом деле обрушилось мироздание, исчез необъятный, невоспроизводимый "отдел вселенной", разбилась уникальная "машина времени".

Как я был любим — бескорыстно, самоотверженно, безоглядно. Кто ме-

ня еще так полюбит? — вопрошаю эгоистически... Ольга Юдовна никогда не спрашивала: "Как дела?", "Что нового?". Иначе, иначе: "Как Маша?", "Как Вика?", "Как Федор?" и проч. Знала все о моих друзьях, приятельницах, домочадцах, вплоть до племянника отчима жены тети мужа золовки со стороны тещи дяди Пети. В нее вменялись чувства и заботы целой прорвы народа. Куда теперь все это денется?

Я хочу думать, что душа ее и в самом деле разлила в природе, что когда мы зачерпываем из простора чувства, ощущения, строки, мысли, они навеяны, подсказаны, нащептаны и ею, и прежде ушедшими дорогами, любившими нас людьми. Значит, окружающее пространство утрат парадоксально напитывает нас позитивной энергетикой жизнеутверждения. Значит, ушедшие и в самом деле пребывают где-то поблизости, обдавая нас свежим, животворным дыханием. Значит, мы снова пойдем в Воронцовский переулок — к Виктору Семеновичу Фельдману, а Ольга Юдовна, как прежде, иронически хохочет со своей верхотуры. Да так бойко, что мы счастливо переключаемся и зашагаем навстречу еще решительнее.

Олег ГУБАРЬ.

ЗЕЛЕНОЕ БОГАТСТВО ГОРОДА

По-видимому, нет необходимости говорить о том, насколько важной составляющей инфраструктуры большого города являются парки. Глубокая связь проблем окружающей среды и экономического развития нигде так ярко не проявляется, как в мегаполисах. Большие города могут развиваться только при условии сохранения природных ресурсов, которые обеспечивают их экономический рост и качество жизни населения. Многочисленные исследования доказывают, что городские парки способствуют нравственному воспитанию людей, предоставляют им возможности для полноценного семейного отдыха, позитивно влияют на состояние здоровья детей и подростков. Инвестиции в благоустройство городских парков для решения многих экологических проблем ради единения городских жителей с природой — это благородное дело. Ведь городские парки улучшают качество воздуха, являются средой, которая способствует развитию многообразной флоры и фауны, ослабляет жару в знойные летние дни.

Парковое хозяйство Одессы имеет давнюю историю. Старейшим считается Хаджибейский парк, известный со времен турецкого владычества. К сожалению, до нашего времени он не сохранился. Почти ровесниками нашего города являются сады Городской и Дюковский, которые были подарены Одессе ее выдающимися гражданами Ф. Дерибасом и И. Стемповским. В 1940 году началось возрождение городского парка, основанного во второй половине XIX века и названного в честь императора Александра II (ныне это Центральный парк культуры и отдыха имени Т.Г. Шевченко). Парки создавались и в XX столетии. О старых одесских парках нам известно немного, однако даже скудные сведения говорят о том, что они были ухоженными. В них были аттракционы, кафе, играла музыка...

В годы революции и гражданской войны парковое хозяйство в Одессе, как и в других городах страны, пришло в упадок. Однако уже

в двадцатые годы на запущенные парки было обращено внимание властей. В отличие от тех, которые существовали в дооктябрьский период, и тех, которые были в это время на Западе, парки в СССР должны были выполнять особые функции. В конце 20-х годов В. Маяковский с восторгом писал: "Смотри, для нас расчищают парки, и с флагов сияет "Культура и отдых". Началось с Москвы, с открытия парка культуры и отдыха имени М. Горького. Он рассматривался властями столицы не только как место гуляния, но и как важное учреждение культпросвета, а на это в двадцатые и тридцатые годы денег не жалели. Парки были снабжены клубной базой с читальными залами, стендами наглядной агитации, залами для игр, лекториями, кинотеатрами и театрами, стадионами и спортивными площадками. Документы из еще недалекого прошлого показывают, что в парках той поры боролись за образцовый общественный порядок и чистоту.

Тридцатые годы стали временем массовых гуляний, массовых игр и массовых шествий по любому поводу. Многие сейчас покажутся примитивным, но душевного тепла, радости общения в то время было не занимать. В те довоенные годы появилась специальность "массовик-затейник". Людей надо было учить расслабляться, за годы разрухи и лишений они разучились радоваться. Формы работы были самые разные. Например, у массовиков заранее были заготовлены тексты песен, написанные крупно на бумажных рулонах. Люди, собравшись вместе, подолгу увлечены пели. Сегодня даже и не верится, что так себя вели большие массы отдыхающих, но так было, а песни были и бодрящие, и лирические, и обязательно героические. Приехавший в СССР в 1934 году известный английский писатель Герберт Уэллс был поражен тем, как работают советские парки, и с уважением писал об этом.

В предвоенные годы по указанию партийных органов в парках стали

уделять внимание военно-патриотической работе, подготовке сдачи норм ГТО, увеличили сеть тиров для будущих воробьевских стрелков, проводились театральные музыкальные вернисажи на тему обороны страны.

Как культпросветучреждения парки продолжали активно работать в послевоенный период, в шестидесятые — восьмидесятые годы.

С распадом Союза, экономическими трудностями девяностых годов, городам было не до парков. Они продолжали существовать, однако их общественные функции были сокращены до минимума. Устаревшие морально и технически аттракционы, малозатратные торговые точки... И все это на фоне углубляющейся разрухи и неухоженности. Более того, на территорию парков стали посягать застройщики. Увы, неразбериха в ведомственном подчинении парков, отсутствие четкой документальной базы были на руку и чиновникам, которые распоряжались собственностью, принадлежащей всей городской громаде, как своей. Настало время положить всему этому конец. Но для начала необходимо было разработать концепцию развития парков на территории города, которая бы определила направления деятельности в возрождении паркового хозяйства. Такая концепция как конструктивный принцип была разработана в конце минувшего года и принята сессией городского совета. Не буду пересказывать ее содержание подробно. Остановлюсь лишь на нескольких узловых моментах.

Согласно концепции, парки должны быть разделены на два вида: парки культуры и отдыха и мемориальные парки. По определению, первые — это культурно-просветительские и досуговые учреждения. Они предоставляют услуги, в том числе и платные, которые удовлетворяют различные потребности населения: создают условия для культурного отдыха на свежем воздухе, предлагают развлечения, создают условия для занятий физической культурой, проводят лекции,

концерты, творческие встречи и т. д. Мемориальные парки — это система сооружений, которые имеют историко-мемориальное содержание. Основной задачей историко-мемориальных памятников является сохранение памяти о героическом и трагическом прошлом, о ярких страницах истории города.

Мы видим перспективу в том, чтобы в ближайшее время в Одессе было создано три мемориальных парка: на месте варварски разрушенного Второго еврейского кладбища — Мемориал памяти жертв погромов и Холокоста, на месте ныне существующего Преображенского парка — мемориальный парк, где будут увековечены имена строителей Одессы, цвет ее культуры, науки, просвещения, медицины, и, наконец, территория 411-й батареи должна стать мемориальным парком Славы Одессы. Остальные парки — имени Т.Г. Шевченко, имени М. Горького, имени Ленинского комсомола и другие, сохранив статус парков культуры и отдыха, на наш взгляд, должны быть переданы в концессию на конкур-

ной основе частным лицам, при этом условием их передачи должно быть их возрождение как культурно-просветительских и досуговых учреждений, деятельность которых будет регламентироваться специально разработанной программой. Доходы от деятельности парков культуры и отдыха должны компенсировать затраты на содержание мемориальных парков.

Реализация задуманного потребует значительных средств и времени, однако, как мы считаем, это единственно правильный путь к возрождению и рациональному использованию парков на территории Одессы. Пройдет несколько лет, и молодое поколение граждан, приходя в мемориальные парки под сень высоких деревьев, любясь клумбами ярких цветов, задумается над тем, наследниками кого они являются, отдадут дань памяти усопшим, а в тех парках, где будут установлены современные аттракционы, открыты кафе, концертные и спортивные площадки, — весело и насыщенно проведут часы досуга. Лично я в это верю, как верю в то, что городу расти, изменяться к лучшему.

Татьяна ФИДИРКО,
заместитель Одесского городского головы.

Фото Евгения Волокина.

ОБЪЕДИНЕНИЯ ОДЕССИТОВ ЗА РУБЕЖОМ

Берлинский клуб одесситов (БКО)

В декабре 2006 года мне улыбнулась удача — находясь в туристической поездке в Германии, посетить Берлинский клуб одесситов и пообщаться с одесситами, которые в 2001 году в Русском доме в Берлине провели организационное собрание. А с этого момента Берлинский клуб одесситов существует уже более пяти лет.

Первым президентом клуба был избран Юрий Курильский, которого объединенные его энтузиазмом и оптимизмом одесситы знали еще по Одессе, где Юрий был выдающимся тренером женских волейбольных команд: сборной Украины и Одесского медуна. Ему было присвоено звание заслуженного тренера Украины.

Со дня основания клуба и до момента, когда Юрия не стало (2005 год), он был Душой клуба, веселым, добрым и просто хорошим человеком, который не мог примириться с тем, что одесситы в Берлине теряют связь с Одессой.

До этого дня сотрудничество между БКО, который является со дня основания коллективным членом Всемирного клуба одесситов, осуществлялось заочно и, по сути, мое посещение БКО явилось первым рабочим контактом с берлинской одесской диаспорой на клубном уровне. На встрече были обсуждены наиболее существенные общественно полезные и рабочие вопросы клубного взаимодействия.

Наша встреча прошла в теплой обстановке. На этой встрече, которая совпала с проведением вечера отдыха, организованного для членов клуба, присутствовало около сорока человек, и со многими чле-

нами клуба мне удалось побеседовать персонально.

Я увидел, что в клубе объединилось много достойных наших земляков.

Приятно было встретиться в Берлинском клубе одесситов с членами клуба, которые были мне знакомы по встречам в нашем клубе, когда они приезжали в наш город из Берлина (Михаилом Мисожником, Марком Калиханом, Аркадием Бердичевским, Ефимом Кантором).

Марк — основной, как я понял, помощник президента БКО, и много времени с президентом и правлением клуба занимается организацией работы БКО. Аркадий — ну очень активный член клуба (заводной и очень веселый).

Уже на этой встрече я познакомился еще со многими интересными одесситами: Семеном Аледортом, Вадимом Рожковским, Владимиром Коппом, Михаилом Энштейном, Львом Школьниковым (отцом нашего знаменитого артиста Олега Школьника) и другими...

Семен Аледорт поэт, выступивший в Берлине (с помощью БКО) несколько поэтических сборников, известен в клубе как автор гимна клуба.

Вадим Рашковский в Одессе был довольно известным человеком — депутатом горсовета одного из районов и занимался, если я правильно помню, вопросами создания в Одессе свободных экономических зон.

Владимир Копп работал старшим научным сотрудником в НИИ.

Узнал я также от Михаила Энштейна, что он собирается издать сборник своей поэзии.

Так что, я считаю, у меня в Берлине появилось множество земляков,

близких мне по духу и пониманию того, что одесситы должны быть как-то объединены и помогать друг другу. И главное — не забывать о нашем удивительном городе. И стараться о своем клубе думать, как в Берлине сказал поэт, член правления БКО, Семен Аледорт:

Нет там речек и нет водопадов,
Нет там гор, ни тайги, даже леса.
Нет Парижа там. Ну и не надо!
Но зато — там есть наша Одесса!

Кроме того, было мое выступление перед всем коллективом, и я рассказал о работе нашего клуба и о том, что в настоящее время происходит в нашем удивительном городе Одессе (это я рассказал одесситам Берлина, уточнив, что бывших одесситов не бывает).

Мой рассказ о том, что мэрия Одессы в настоящее время уделяет большое внимание вопросам работы с диаспорой и что создано Управление международных отношений, европейской интеграции и связей с одесской диаспорой Одесского городского совета, произвело на представителей нашей диаспоры приятное впечатление.

Затем у меня была отдельная встреча с руководством Берлинского клуба и с его президентом Михаилом Мисожником, который был избран в 2005 году и который еще в далеком 2001-м входил в инициативную группу по созданию Берлинского клуба одесситов. Мы говорили о налаживании более тесных контактов, оказании помощи клубу, чтобы активизировать работу БКО.

Руководство БКО признало, что пока не все в работе клуба их удов-

летворяет и что они стараются ее оживить, больше интересоваться историей и проблемами сегодняшней Одессы.

Из содержательного разговора с руководством клуба я узнал об основных мероприятиях, проводимых клубом за последнее время (День памяти первого президента клуба Юрия Курильского; вечер встречи врачей и юристов, одесситов, ныне проживающих и работающих в Берлине, с членами БКО; вечер, посвященный Чемпионату мира по футболу 2006 г. в Германии с просмотром записей матчей сборной Украины; День солидарности с Государством Израиль во время войны с Хезбаллой в Ливане и сбор средств для помощи детям Израиля; вечер, посвященный пятилетию юбилею со дня рождения БКО).

Девятого мая во время семичасовой прогулки на пароходе было проведено празднование Дня Победы совместно с приехавшими гостями — одесситами из других городов Германии и полным составом Лейпцигского клуба одесситов. Были путешествия и экскурсии в Париж, Вену и Зальцбург, в Англию, Бельгию, Голландию, Саксонскую Швейцарию, в Дрезден, Гамбург. Постоянно проводятся вечера отдыха к знаковым датам, таким, как Новый год, День защитника Отечества, Восьмое марта, Юморина, День освобождения Одессы, День Победы и День рождения Одессы, а также и другие мероприятия.

Более подробно о Берлинском клубе одесситов можно узнать на сайте Всемирного клуба одесситов (www.odessitclub.org) в рубрике

"Объединения одесситов за рубежом", а также на сайте Берлинского клуба одесситов (www.odessitclub-berlin.de).

В этой же рубрике представлены материалы и о других объединениях одесситов (Одесское землячество в Нью-Йорке, Ассоциация "Одесское землячество Лос-Анджелеса", Московское отделение Всемирного клуба одесситов, Клуб мурманских одесситов "Белая акция"), а также ряда клубов, в которых руководство и большинство членов клуба — одесситы — таких, как Европейский интерклуб "Дом Дерибаса" и клуб "Neue Zeiten".

Встречался я в Берлине и с президентом виртуального европейского клуба "Дом Дерибаса" Александром Маниовичем, большим знатоком Берлина и генератором множества уникальных идей о том, чем должны заниматься объединения одесситов за рубежом (сейчас у него на этой почве очень большие разногласия с руководством БКО). На сайте "Дома Дерибаса" (www.deribasinfo.de) представлено несколько интересных, но довольно спорных в реализации проектов.

Имея такие материалы на сайте ВКО, одесситы могут связываться с другими объединениями земляков, обмениваться полезной для работы информацией.

Мы надеемся в дальнейшем продолжать практику непосредственного посещения руководством нашего клуба землячеств уже работающих и вновь создаваемых, а также встречать их представителей в Одессе, в клубе.

Леонид РУКМАН,
Директор Всемирного клуба одесситов

О чем он думал в тот момент, когда...

"Счастлив тот, кто нашел свое призвание, способное поглотить все его помыслы и стремления, заполнить всю его жизнь чувством радости творческого труда. Дважды счастлив тот, кто нашел свое призвание еще в отроческие годы. Мне выпало это счастье. Жизненный путь, выбор решений на крутых поворотах, каждодневные поступки — все подчиняется одной мысли: приблизит ли это к заветной цели или отдалит?..."

В.П. Глушко,
"Путь в ракетной технике"

Наиболее интересным и самым непонятным в человеческой жизни являются мотивы тех или иных поступков, а также факторы, которые побудили того или иного исторического деятеля совершить тот или иной шаг... Почему, казалось бы, в очевидной (с нашей точки зрения) ситуации он поступил так необдуманно, когда (опять же нам, с нашей, сегодняшней, точки зрения) ясно, что поступать надо было совсем по-другому, а именно...

Какими мотивами руководствуется человек, совершая эти ошибки? Что или кто стоит за ними? Что двигает его на подвиг или заставляет кардинально изменить свою точку зрения на ту или иную проблему? Постараюсь ответить на эти вопросы применительно к первым тридцати четырем годам жизни моего отца, академика Валентина Петровича Глушко.

...Только что закончившаяся гражданская война, принесшая с собой не только голод и ежеминутную угрозу смерти, но еще и неуверенность в завтрашнем дне. В полностью разоренной Одессе постепенно возрождается новая жизнь. Город полон бандитов и комиссаров. Идут повальные облавы и обыски. Ищут и бывших офицеров, и настоящих контрреволюционеров. Правда, все ли,

кого нашли, были теми, за кого их приняли?...

В этих условиях немного пришедшая в себя семья Петра Леонтьевича Глушко из пяти человек (отец, мать и трое детей), переселившаяся из полуподвального помещения дома № 12 по Овчинникову переулку (ныне переулок Нечипоренко) в дом № 8 по Ольгиевской улице, начала задумываться о том, как выжить в этой ситуации (оставшись без средств к существованию, без всего наработанного таким трудом при царе)...

И вот ищущий себя мальчик, не знающий, чем заняться, и потому слоняющийся от безделья по городу, забредает в городскую библиотеку. Я не знаю, какие правила приема в нее были раньше, но сейчас людей моложе 18 лет туда не записывают, считая, что им это не нужно. По воспоминаниям отца, он был туда записан.

Сам он очень смутно пишет о том, как начался его жизненный путь в космонавтике: "Весной 1921 г. я прочел "Из пушки на Луну", а затем "Вокруг Луны". Эти произведения Жюль Верна меня потрясли. Во время их чтения захватывало дыхание, сердце колотилось, я был как в угаре и был счастлив. Стало ясно, что осуществлению этих чудесных полетов я должен посвятить всю свою жизнь без остатка...". В приведенном отрывке многое неясно и все непонятно. Остается большое количество вопросов. Как и где он нашел эти книги? То ли прочитать их ему посоветовал отец, то ли случайно, или кто-то из школьных приятелей... Почему именно эти книги изменили его взгляд на жизнь? Ведь на эти два романа ссылаются еще несколько пионеров ракетной техники, среди которых (если я не ошибаюсь) и Герман Оберт. Непонятно и то, при каких обстоятельствах он прочитал эти книги. По воспоминаниям отца, в детстве он был очень непослушным мальчи-

ком и откалывал такие номера, о которых знала только его мать, мне же он не решался рассказать и о самом невинном из них...

Так что, это была попытка родителей изменить его жизнь, или все действительно произошло само собой? Он сам наткнулся на эти книги, прочитал их и "заболел" реализацией идеи межпланетных сообщений...

Решив для себя, чему он посвятит жизнь, отец стал читать литературу по астрономии и обращать внимание на купола обсерваторий, находившихся в городе. Опять же, по совету своего отца, он зашел в одну из них, где был благосклонно встречен руководством, и начал свои занятия не только по наблюдению за планетами, но еще и по пропаганде идеи межпланетных путешествий. Четырнадцатилетним мальчиком был создан кружок юных мироедов, состоявший из 120 школьников. Представляю, каким даром убеждения надо было обладать, чтобы увлечь такое количество сверстников далекими планетами в той ситуации, когда они ели фактически один раз в день... Да еще и заставить их собирать материал и делать доклады на различные темы.

Руководство кружком и умение делать доклады ему потом пригодятся, и не только в школе, где он будет освобожден от экзаменов по физике благодаря именно этим докладам, но и во время его преподавательской деятельности в ЛенГИРДе (Ленинградской группе изучения реактивного движения), ВВА РККА имени профессора Н.Е. Жуковского, МГТУ имени Н.Э. Баумана и т. д.

А пока он набирается знаний и делает все, чтобы приблизить свою цель: реализовать идею межпланетных сообщений...

С этой же целью он пишет письма К.Э. Циолковскому. Ему были очень интерес-

ны работы талантливого старика, а их у него не было. Получив все его труды, отец не успокаивается и начинает спорить по различным вопросам. Один из таких споров заканчивается разрывом отношений. Разрывом, о котором отец будет потом сожалеть всю свою жизнь... Но слово, данное К.Э. Циолковскому, отец уже не сможет не сдержать, ведь все написанное им, 15-летним ребенком, будет потом достоянием общечеловечности (а он прекрасно это понимал), и только потому, что его письма были адресованы К.Э. Циолковскому. В одном из писем (от 10 марта 1924 г.) юноша напишет следующие слова: "Относительно того, насколько я интересуюсь межпланетными сообщениями, я Вам скажу только то, что это является моим идеалом и целью моей жизни, которую я хочу посвятить для этого великого дела, на мысль которого я натолкнулся довольно-таки странным и удивительным образом. Уже 3 года как я каждую свободную минуту посвящаю ему..."

Одновременно с этим он пишет две книги на темы об истории межпланетных сообщений и о необходимости колонизации сначала ближнего, а затем и дальнего космоса. В последующие годы прочитанная им тогда литература сделает его настолько разносторонне образованным, что я буду всегда (по-детски) удивляться, с какой легкостью он разгадывал кроссворды любой сложности, показывая мне, как это надо делать. И если в свои 14-15 лет я мог ответить максимум на 10%, то он отвечал на все 100%.

Первая книга так и не увидела свет, так как в середине 1920-х гг. отец подарит все свои материалы Н.А. Рынину, задумавшему такую же работу, и поможет ему с изданием этой энциклопедии, подключив к этому делу Н.Я. Ильина. Вторая же осталась актуальной и по сей день. Эта книга о том, сколько лет осталось жить человеку до наступления металлургического голода, и о том, что необходимо сделать для спасения нашей цивилизации. 14-летний мальчик, берущийся за написание такой работы... Уже в те годы отец думал не о сегодняшнем дне и не о своем дворе или, на худой конец, улице. Он думал в глобальных масштабах. Его не интересовали местечковые и чревоугоднические интересы большинства обывателей, окружавших его в то время, он беспокоился о благополучии собственных детей, внуков, правнуков. И многим это тогда было непонятно, радует только тот факт, что он нашел опору в лице своих родителей и тех наставников, которые поддерживали на начальных этапах становления его как личности, как конструктора, как ученого и как человека... В своей автобиографической повести, книге "Путь в ракетной технике", отец назовет имена всех этих людей и напишет благодарственные слова в их адрес... Но вернемся ко второй книге. Она была издана тиражом в 100 экземпляров уже после смерти ее автора, в 1998 г., к 90-летию со дня его рождения.

...Учеба в школе окончена, экзамен по любимому предмету, химии, сдан с третьего раза, практика на арматурном заводе "Электрометалл" имени В.И. Ленина пройдена, и отец едет в новом белом костюме, купленном на первый гонорар за статью "Завоевание Земли Луны", опубликованную в газете "Известия Одесского губкома КПБ(У)", в Ленинград для поступления в университет.

Опоздав к началу учебного года, весь первый курс отец слушает как вольнослушатель, сдает экзамены и поступает сразу во второй курс физико-математического факультета. И здесь начинается студенческая "карусель", встречи с интересными людьми, посещение выставок и музеев, заседания Русского общества любителей мироедения, предоставившего ему жилье в доме 25 по улице Союза Печатников... и бесконечное число прошений с просьбой об освобождении от уплаты за обучение, и такое же бесконечное число отказов.

Столкнувшись с непониманием со стороны руководства университета, отец устраивается на работу к Н.А. Морозову, бывшему революционеру и одному из авторов новой хронологии русской истории (сейчас его дело продолжают Носовский и Фоменко). Кроме того, он занимается ремонтом квартир.

Наступает 1927 год. В этом году открывается выставка, посвященная межпланетным сообщениям, одним из организаторов которой был Г. Поляков. Зная увлеченность отца этими вопросами, я более чем уверен, что он специально приехал из Ленинграда в Москву, чтобы посетить эту выставку... и провел на ней много часов...

Работы К.Э. Циолковского, по которым Валентин Глушко познавал азы звездоплавления
(На фото работы, подаренные К.Э. Циолковским И.Т. Клейменову в феврале 1934 г. Из коллекции автора)

Н.И. Тихомиров

Приблизительно в это же время он делает ремонт в одной из квартир, где знакомится с молодой симпатичной девушкой Сусанной Георгиевской, которая в скором времени становится его женой.

В феврале 1929 г. отца отчисляют из университета за неуплату за обучение за первое полугодие 1928/1929 учебного года и не дают защитить диплом. Большой трагедии в этом для него не было. Он вроде бы ожидал этот вариант и, постоянно ходатайствуя об отмене платы, был готов к такой развязке. Скорее, было неприятно, что он чуть-чуть не дождался до защиты — и сорвалось... А диплом был уже готов...

Н.Я. Ильин

Отец пишет, что по совету своего товарища, с которым он жил в одной комнате, а потом, после свадьбы, — на его квартире (пока тот сам не женился), третья часть дипломного проекта "Металл как взрывчатое вещество" была передана в Отдел военных изобретений и попала на стол уполномоченного начальника вооружений РККА Н.Я. Ильина, который дал ход этому делу. В результате отец был вызван к Н.Я. Ильину и оформлен на работу в ГДЛ (газодинамическую лабораторию).

Узнав, что его работа признана очень важной, отец немного успокоился: он получил возможность для достижения поставленной перед собой цели и с юношеским энтузиазмом взялся за работу.

В один из первых визитов к Н.Я. Ильину в помещении, где сидел Николай Яковлевич, на лестнице отец случайно столкнулся с начальником 1 отдела ГДЛ Г.Э. Лангемак. Они посмотрели друг на друга, посмеялись, и решив, что еще встретятся, разошлись по своим делам. Так состоялось их знакомство, очень быстро переросшее в крепкую дружбу...

Когда они беседовали на общие интересные их темы, Георгий Ерихович очень хорошо понимал, что значит для отца этот критерий, которому он подчинил всю свою жизнь: *приблизит ли это к заветной цели или отдалит...* Он был таким же, одержимым идеей... Решив служить своей родине независимо от того, какой император будет восседать на ее троне, ему было важно существование его России, а не марионеточных режимов или тирании... Он знал, что его образование и та-

лант способны найти применение при любом режиме, — главное, чтобы это была Россия... Она приютила его родителей в 1880-х годах, и теперь он платил ей тем же. Он защищал ее теперь, как она защитила его семью раньше...

Это их сблизило. И потом, — у них обоих было хорошо развито чувство юмора. Хорошо воспитанный и закаленный трудностями с детства Г.Э. Лангемак, уже в возрасте 16 лет занимавшийся репетиторством в городе, и повидавший войну сын офицера одессит В.П. Глушко. Отец тоже блистал своим воспитанием на правительственных приемах. Чего стоит тот факт, что ему удалось уговорить актрису И. Скобцеву разрешить помочь стряхнуть с ее груди разлившееся вино в присутствии ее мужа, кинорежиссера С.Ф. Бондарчука! Но это будет на много лет позже, а пока 20-летний отец и 30-летний Г.Э. Лангемак впервые увидели друг друга...

В течение 1929-1930 гг. отец работал над идеей ЭРД (электротермического ракетного двигателя). Но, к сожалению, тогда реализация этого проекта была невозможна из-за отсутствия необходимых мощностей. Он стал искать выход из положения, и тут к нему на помощь пришел еще один сотрудник ГДЛ Б.С. Петропавловский, который и посоветовал отцу "вернуться с неба на Землю", то есть заняться разработкой ЖРД (жидкостного ракетного двигателя) — тех двигателей, которые смогли бы преодолеть земное притяжение и открыть возможность для работы ЭРД.

Так он и сделал. Да ведь именно в этом и была самая важная задача, поставленная им в жизни: преодоление земного притяжения и дальнейшее освоение космического пространства. Неоднократно обсуждая этот вопрос с Г.Э. Лангемак, отец получал от него не только полное одобрение слов Б.С. Петропавловского, но и моральную поддержку, необходимую при начале работ над совершенно новым и неизвестным доселе делом.

В личной жизни отца в этот момент происходит очень серьезное изменение. Попав в больницу после неаккуратного обращения с оружием, принадлежавшим Н.Я. Ильину, он выздоравливает и разводится с Сусанной Георгиевской. Больше они никогда не встречались. Впоследствии в своем романе "Лгуня" она выведет образ отца под фамилией Костырик и расскажет о том, как они познакомились, и приоткроет завесу над причинами их развода.

Но работа продолжается дальше. Один ОРМ (опытный ракетный мотор) сменяет другой, испытание следует за испытанием. Накапливается опыт, появляются наработки. Отец счастлив тем, что занимается очень сложным, но безумно интересным делом. Да, он понимает, что сейчас, в начале 1930-х годов, необходимо вооружить Красную Армию новыми видами оружия, а уже потом, когда угроза войны будет ликвидирована, можно будет заняться и полетами в космос, тем более что в СССР начинают плодиться и размножаться все возможные ГИРД'ы. Их было целых 91! Но кто мешает, создавая оружие, отрабатывать на нем элементы, необходимые для создания космических ракет?

В декабре 1932 г. в ГДЛ приходит авиационный инженер И.Т. Клейменов. Жесткий, но честный человек, он достаточно быстро наводит порядок в организации и обращает внимание на молодого эрудированного начальника 2-го отдела В.П. Глушко. Когда они познакомились, И.Т. Клейменова поразили все тот же критерий: *приблизит ли это к заветной цели или отдалит?* Будучи сам увлеченным человеком, он довольно быстро понял, что представляет собой отец на самом деле, и до момента ареста в ноябре 1937 г. он делал ставку в основном на беспартийных: Г.Э. Лангемака и В.П. Глушко, а потом и на С.П. Королева как на замену самому себе (если таковая потребует).

Отец же не знал, кого ему благодарить за столь понимающее руководство, и его близкий друг Г.Э. Лангемак, и И.Т. Клейменов отнесли к нему одинаково — как отец того заслуживал. Был прав — хвалили, неправ — наказывали.

Когда же в январе 1934 г. они переехали в Москву, то отношения между отцом и Г.Э. Лангемак стали еще ближе. Они не только жили в одном доме (в соседних подъездах), но еще и собирались на посиделки в квартире отца.

Все чаще и чаще отец и Г.Э. Лангемак проводили вместе свободное время. За работой, да и просто за разговорами. Когда же летом 1934 г. две дочери Г.Э. Лангемака окончили очередной класс и переехали вместе с матерью к нему, то именно отец помогал своему другу встречать его семью на вокзале. Он же помогал и разгружать привезенные из Ленинграда вещи. Сначала хотели привлечь для этого красноармейцев, но потом решили обойтись своими силами. Так они и разгружали: В.А. Артемьев, В.П. Глушко и Л.Э. Шварц — все, кто жил в этом доме... А потом все вместе отмечали окончательный переезд семьи Г.Э. Лангемака в Москву.

Здесь же, в квартире Г.Э. Лангемака, жила и вторая жена моего отца — Тамара Саркисова (сестра вдовы Б.С. Петропавловского,

Г.Э. Лангемак

переехавшая вместе с сестрой и ее дочерью из Ленинграда). В конце 1936 г. она переселилась жить в квартиру отца и жила там до 1940 г., пока не уехала следом за ним в Казань.

Арест и расстрел М.Н. Тухачевского, организатора РНИИ (Реактивного НИИ) и личного покровителя отца, дал понять, что скоро придет и их очередь. Однако недоумение И.Т. Клейменова по факту ареста маршала и его уверенность, что органы не ошибаются, отец не разделял, так как помнил, как потрепали нервы моему деду, привлекая его в 1930 г. по следствию об организации полковника Брейслера в Одессе, в которой тот якобы состоял.

Отец сомневался в виновности М.Н. Тухачевского, как был полностью уверен и в невиновности И.Т. Клейменова и Г.Э. Лангемака, арестованных в ночь со 2 на 3 ноября 1937 г. Более практичный отец (в отличие от романтического Г.Э. Лангемака и прямого И.Т. Клейменова) был готов к этому, и для него эти события не явились неожиданными. Только дали понять — он следующий... Оставалось только ждать...

И сколько бы в последующем ни тревил его сослуживцы, объединенные для этой цели А.Г. Костиковым, он был далек от их проблем с общественной работой, нечутким отношением к сослуживцам и настораживанию — как по различным поводам, так и без них, то есть на всякий случай. Оба ИТС (инженерно-технических совета), и 13, и 20 февраля 1938 г., он издевался над ними, отвечая, словно отбиваясь от назойливых мух, мешавших ему сосредоточиться на чем-то более серьезном для него и непонятном для них. Только книга... Книга, написанная им вместе с Г.Э. Лангемак, — "Ракеты, их устройство и применение"... Как же они прокатились по этой работе! Видимо, она действительно была очень важной и необходимой, потому они так ее и клеймили (не они же ее написали)...

На момент начала первого из заседаний ИТС и И.Т. Клейменов, и Г.Э. Лангемак были мертвы уже месяц, но отец этого не знал...

Б.С. Петропавловский

Как не знал он и о том, что постановление на арест было заготовлено тоже в эти дни: только потом кто-то передвинул эту дату на март. Знал он лишь об одном, что 29 августа 1937 г. расстреляли Н.Я. Ильина. Об этом в НИИ-3 с гордостью сообщил А.Г. Костиков.

К самому аресту, произошедшему 23 марта 1938 г., отец отнесся очень и очень спокойно. Он его ждал. Понимая, что это крест на его работе, он успокоился окончательно. Ожидание закончилось. Теперь будет легче. Он продержался три месяца (по другим данным — полгода). И все даты на заявлениях (одно из которых подделка следователя) и протоколе допроса (5 июня), вероятнее всего, неверные. Да и узнаем ли мы когда-нибудь, как и когда все это было написано на самом деле?... Известно только одно: что, опасаясь за жизнь своей гражданской жены и только что родившейся дочери, которую Тамара принесла ему в тюрьму на свидание, он подписал протокол, датированный 5 июня, правда, умудрился вписать туда несколько "шпилек" в адрес тех, кто его оклеветал, подписав против него доносы или акты техэкспертиз.

Будучи далеким от происходящих событий и наблюдая за этим как бы со стороны, отец все время нахождения под следствием вел очень большую работу. Многие из того, что продумано там, было реализовано им впоследствии. Может быть, это его и спасло, он не сошел с ума. Когда же он узнал, что Тамара отключилась от него, этот факт развязал руки, и отец начал борьбу за свою жизнь, за возможность для дальнейшей работы, за возможность реализации продуманных им проектов...

И.Т. Клейменов

Появился отказ от ранее данных показаний, большое количество писем в адрес генерального прокурора СССР и наркома внутренних дел СССР с просьбой о пересмотре дела и, как результат, — возможность работы по специальности и досрочное освобождение из-под стражи...

Был только один момент, очень сильно удививший по отцу... Расстрел И.Т. Клейменова и Г.Э. Лангемака. Он так надеялся им помочь, как они всегда помогали ему... Эти надежды рухнули... Но жизнь продолжалась, и в память о них он продолжил начатое дело...

Приблизит ли это к заветной цели, или отдалит? Но кто в создавшейся ситуации мешает посвятить это их памяти?...

P. S. На мой вопрос: "Почему это стало возможно?" — отец ответил, что "у нас были разные цели, но мы оба сделали все, чтобы их осуществить...". В результате осуществления одной из них погибли талантливые люди, а другой — созданы двигатели, при помощи которых были выведены в космос и первый спутник, и первый человек, и огромное количество других объектов. Двигатели, не имеющие аналогов в мире... А если бы их цели были одинаковы (в хорошем смысле)? Каких бы результатов они достигли все вместе? На сколько быстрее бы все это удалось реализовать?...

...И та последняя встреча с Г.Э. Лангемак за два часа до его ареста... Этот визит к нему в гости отец будет вспоминать всю жизнь и... ком будет застывать у него в горле...

Специалист по истории советской пилотируемой космонавтики, биограф авторов "катушки" И.Т. Клейменова и Г.Э. Лангемака, полковник ФСК А.В. ГЛУШКО.

На полосе фотографии руководителей ГДЛ. Фото из архива автора.

Марлена СТЕЦЕНКО

КВАРТИРА НОМЕР ОДИН

Вы когда-нибудь жили в одесской коммуналке, где полный интернационал: живут евреи, русские, украинцы, и все говорят на идиш? Конечно, это старая довоенная гвардия такой была. Следующее поколение уже таким не было. На идиш они не говорили, но немного понимали.

В Одессе на улице Троицкой, 49, угол Преображенской есть большой дом, его по сей день называют домом Блюмберга. Когда-то, до революции 17-го года, он принадлежал богатому домовладельцу Блюмбергу, который жил с семьей в этом же доме на втором этаже, в квартире № 1. При советской власти квартиру эту превратили в коммуналку, а что стало с семьей Блюмберга, я не знаю (уж не родственник ли он мистера Блумберга, мэра города Нью-Йорка?).

Представьте себе нашу коммуналку: большой длинный коридор и по обе стороны комнаты: по левую три, по правую две, большая кухня с отливом и краном и один туалет на двадцать одного человека. Из бывшей ванной комнаты сделали кладовую, так что помыться можно было только в бане Исаковича за углом, через дорогу наискосок.

Но что это была за коммуна!!! Какие замечательные, простые, но очень интересные люди там жили! Какая была радость встретиться после войны, после эвакуации, фронта и вернуться опять в эту веселую коммуналку!

Об этих людях и о нашей послевоенной жизни я и пишу свой рассказ. От входной двери справа маленькая комната, в ней живут Учителевы: Борис Исаакович, его жена Зинаида Лукьяновна и двое детей: Тамара и Ленчик. Борис Исаакович без ноги, он ее потерял на фронте. Тяжело им жить в такой маленькой комнатухе. Дети спят на раскладушках. Ленчик учится играть на скрипке, Тамара школьница. Детки очень красивые и хорошие. Зинаида Лукьяновна работает на текстильной фабрике в цеху, где красят ткани. Поэтому все соседи нашей коммуналки с ее помощью перекрашивают старые вещи и превращают их в "новые".

В следующей комнате справа живет Елизавета Самойловна с сыновьями Самуилом и Марком. Елизавета Самойловна портниха и шьет платья всем женщинам нашей квартиры. Муж ее погиб на фронте, ребят надо поднимать, и она, бедняга, шьет целыми днями. У Елизаветы Самойловны есть еще один вид "дохода". Иногда она свою большую комнату сдает под свадьбы. Никто в коммуналке не ропщет. Столы накрываются в комнате, всю ночь играет музыка, танцуют в коридоре, коммуна наша не спит, все веселятся.

Слева от входной двери в небольшой комнате живут Кишиневские — Вера Лаврентьевна, Леонид Миронович и их две дочки, Света и Алла. Дородная, красивая, белокожая и голубоглазая русская женщина Верочка прекрасно говорит на идиш. Леонид Миронович, вернувшись с войны, привез из Германии трофейный подарок жене — шубу (кролик, стриженный под котик). Их

дочки-школьницы спят на тахте вместе и зимой укрываются этой шубой, так как теплого одеяла просто нет. Зато у них есть радиолы и много пластинок. Эта семья очень веселая, постоянно у них звучат модные песни: "Мариора", "Ляна", "Журавли" и т. д. У них есть кошка Василиса, которая впоследствии оказалась не Василисой, а котом Василием. Но это неважно. По поведению кошки можно судить о материальном положении этой семьи в данный момент. Если Василий сыт, не кланится у соседей еду и выглядывает прекрасно, значит, у Леонида Мироновича дела идут хорошо. Если кот отошел — значит, неважно.

Леонид Миронович замечательной души человек, но ему не совсем везет в бизнесе. Дело в том, что он ранее был, как говорили в Одессе, примусником, чинил примусы. Постепенно примусы сменились керогазами, а затем и керогазов не стало, так как провели газ. А как весело было в нашей кухне, когда шумели сразу пять примусов! Хозяйки говорили громко, стараясь рассказать, как удачно на Привозе были куплены куры, рыба, фрукты и иная провизия.

Так вот, Леониду Мироновичу нужно было приспособиться к новой жизни, а это непросто. Время послевоенное, тяжелое, частную деятельность разводить нельзя: то фининспектор нагрянет, то милиция с обыском ворвется. О, сколько таких ночей было!

Леонид Миронович в кухне начал тайком делать рамки из гипса для портретов и зеркал. Он их покрывал позолотой, и они очень хорошо выглядели. Весь пол в кухне и коридоре был белым, но все в коммуналке этому бизнесу относились с пониманием и уважением. К сожалению, бизнес не пошел. Но зато в каждой комнате у всех появились картины и зеркала в позолоченных рамках. Леонид Миронович занялся новым бизнесом: стал шить женские сумочки. У всех женщин в нашей коммуналке появились подаренные Леонидом Мироновичем модные красивые сумочки в виде бочонка. Этот бизнес тоже долго не продержался. Стал Леонид Миронович шить ноговицы. Вы знаете, что это такое? Это стеганые валеночки из ватина и ткани. Они очень удобные и теплые. На них надевались калоши, и можно было гулять по снегу или шлепать в дождь по лужам. У Леонида Мироновича были золотые руки, он умел делать очень многое, и всех видов его подпольного бизнеса не перечислять.

Дальше по коридору небольшая комната, перегороденная фанерной стенкой, но не до потолка, а чуть выше человеческого роста. Там живет семья из пяти человек: Аркадий Исаакович, Клара Лазаревна, их дети Вовчик и Леня, который привел в дом молодую жену Марочку, украинку. Ленечка с Марочкой студенты университета, а Вовчик — школьник, шестиклассник. Леня и Марочка спят за перегородкой и часто слышат, как Аркадий Исаакович целуется с Кларой Лазаревной, а Ленечка даже поцеловать Марочку не может, поскольку на-

против на диванчике спит Вовчик, а он пацан шустрый, с пытливым умом. Надо быть все время на чеку.

Аркадий Исаакович пришел с фронта с тяжелыми осколочными ранениями ног и головы. Ранения он получил в боях под Смоленском. Он инвалид, и ему разрешают работать дома: кроить заготовки для какого-то обувного цеха. Но все женщины в Одессе ходят в прекрасной модельной обуви благодаря Аркадию Исааковичу. Сапожный мир Одессы заказывает верх для женских туфель у Аркадия Исааковича, в связи с чем и вторгаются к ним милиция и фининспектор. Это теперь все можно, а в 50-е годы был страшный запрет на такие дела.

Аркадий Исаакович является сердцем всей нашей коммуны. Он музыкант. Работая над заготовками, Аркадий Исаакович высвистывает или напевает какую-нибудь мелодию. У него абсолютный слух. Родной брат его Ефим Исаакович — дирижер Одесского оперного театра, композитор, так что музыкальность — это их семейный дар. Аркадий Исаакович очень умный человек с неиссякаемым юмором. Все жильцы нашей коммуналки его очень любят, за любым советом идут к нему и во всем стараются помочь.

В следующей комнате слева живет очень интересная семья. Их тоже пятеро, и их небольшая комната тоже перегородена фанерной стенкой. В одной половине живут две пожилые родные сестры: Фира Израилевна и Зинаида Израилевна. Фира Израилевна почти совсем глухая (а слуховых аппаратов в те времена не было), поэтому все в первой квартире очень громко с ней разговаривают. Она очень интеллигентная и добрая женщина. Сестра ее Зинаида Израилевна — сварливая заядлая старуха. Она блюстителъ порядка и чистоты в нашей коммуналке и терроризирует всех. У Зинаиды Израилевны немного косят глаза в разные стороны. Поэтому, когда она обращается к Фире Израилевне, а вы находитесь рядом, то кажется, что она обращается к вам и сердится, так как говорит очень громко и на идиш. Попробуй пойми, что она говорит!

Здесь же с ними находится сын Фире Израилевны студент политеха Люсик. Он любит громко петь и выбивать чечетку. Голос у него хороший, баритон, но ни одной арии и ни одной песни он наизусть не знает, все время поет одно и то же и действует всем на нервы. Но соседи терпят, молчат, никто не жалует. Ежедневно по вечерам в коммунальной кухне он делает зарядку. До поступления в политехнический институт у Люсика была мысль поступать в театральный, для чего он учил отрывки из поэмы Лермонтова "Маскарад". Помню, как он подкрадывался по очереди к каждому из нашей коммуны и очень ехидно говорил: "Несчастье будет с вами в эту ночь...". Но как-то Леонид Миронович дал ему по шее, и на этом репетиции прекратились.

За перегородкой обитают двое: дочь Зинаиды Израилевны Лидочка с мужем Сашей. Они студенты

строительного института. Саша — "щирий українець з Донбасу". Естественно, что он не знает идиш, в отличие от Лидочки и ее мамы. Однажды Саша подошел к Марочке и говорит: "Почему Зинаида Израилевна ругала меня сегодня? Она очень громко сказала: "Гиб мир цибалэ!". Что это значит? Ты живешь здесь больше меня, может быть, ты знаешь?". Марочка его успокоила: "Зинаида Израилевна у Фире Израилевны попросила луковицу. Просто она одним глазом смотрела на тебя, а вторым на Фире Израилевну. Все в порядке, не волнуйся!".

Однажды Лида с Сашей поехали на Донбасс к Сашиним родителям. Приехав обратно, пригласили всех соседей нашей первой квартиры отвезти деревенских продуктов, просто посидеть, повеселиться. Лида совершенно преобразилась после пребывания у Сашиних родственников. Выпив рюмку водки, она начала петь за столом украинские песни, с особо огромным подъемом спела песню про "Дорошенка, який їхав попереду війська запорізького". Зинаида Израилевна, ее мама, чуть в обморок не упала. Лида любила Сашу и любила эту песню, потому что фамилия ее по мужу теперь была Дорошенко.

А как праздновались дни рождения и юбилеи в нашей коммунальной квартире! Это надо было видеть! Столы ломились от яств, и самые почетные места за столами предназначались для жильцов нашей квартиры. Лучше всех готовила еду и пекла Клара Лазаревна. Ни у кого не получалась такая вкусная фаршированная рыба, как у Клары Лазаревны. А какими вкусными были пирожки с мясом, с капустой, ватрушки и пирожные, слоенные язычки из особого теста и кулебяки — всего не перечислять. Торты Клара Лазаревна пекла разных видов и, как говорили в Одессе, вкладывала в них душу. Это были шоколадные торты, воздушные яблочные, наполеоны, творожные торты и т. д. Конечно, она угощала этими вкусными тортами всех в коммуналке. Как-то Зинаида Израилевна по секрету всех предупредила о том, что Клара Лазаревна на свой день рождения спечет новый торт под названием "Тузик на Севере". Ее спросили: "Почему Тузик?" — на что она ответила: "Вы что, никогда не ели конфеты под названием "Тузик на Севере"? Это по тому же рецепту!".

У жильцов нашей квартиры № 1 есть заклятые враги. О фининспекторах и о милиции я уже писала, но есть еще враги — бездомные кошки. С крыши соседнего дома они ночью пробирались по карнизу в открытые окна комнат и съедали все, что было съедобным на поверхности. В 50-е годы еще ни у кого холодильников не было, и все держали посуду с едой на подоконниках, а подоконники в доме Блюмберга из белого мрамора, широкие и прохладные. Летом при открытых окнах все пытались таким образом сохранить еду. Что эти кошки вытворяли! Они сбрасывали крышки, жрали и громко чавкали, грызли кости

и дрались. Это был бич наш, и бороться с ним было очень трудно.

Еще один заклятый враг — мухи. В нашем прекрасном солнечном городе мух и комаров всегда была тьма (сеток на окнах тогда не было), и боролись с ними как могли, по-разному. В нашей коммуналке у всех над столами висели липкие ленты. За короткое время эти ленты сплошь покрывались мухами, их выбрасывали и вешали новые.

И вот как-то на день рождения Клары Лазаревны, когда столы уже ломились от всяких вкусных вещей, а гости уже вот-вот должны были прийти, Аркадий Исаакович увидел, что ленту с мухами забыли снять. Она была прицеплена к абажуру и спускалась прямо к столу. В этот момент кто-то постучал в дверь. Аркадий Исаакович так растерялся, что, сорвав ленту, выбросил ее в открытое окно. И вдруг снизу, с улицы, раздался истошный крик: "Люди добрі, рятуйте! Гадюка!!!". Оказывается, лента упала на шей дворничихе Груне на шею. Хорошо, что все обошлось.

И еще один враг был у жильцов нашей коммуны — холод. Зимой все в своих комнатах топят печи. Заранее заготавливают уголь, дрова. Это сейчас у всех есть батареи центрального отопления, а раньше ничего подобного не было. В квартире нашей появились маленькие детки: у Марочки с Леней — Юрий, у Лидочки с Сашей — Шурик. Так что, нас уже 23 человека.

Зимы в Одессе бывают суровыми. Как задует ветер с моря, — такие бывают выюги и морозы, только держись! Но самое страшное, когда замерзает вода в водопроводных трубах и в туалете. Это кошмар, трудно передать, что творится в нашей квартире. Как-то зимой, помню, зашел Аркадий Исаакович в кухню и объявил всем, что там был: "Вы когда-нибудь видели картину выдающегося художника под названием "Говно во льдах"? Если нет, зайдите в наш туалет!".

Вот тут уж всех выручал Леонид Миронович. Он брал паяльную лампу и начинал разогревать трубы. Что говорить, есть что вспомнить!..

Иногда в квартире № 1 происходили интереснейшие события. Как-то Леонид Миронович обнаружил нишу под металлическим карнизом за окном. Он приподнял карниз и увидел, что она заполнена деньгами, как оказалось, "керенками". Такую же нишу под карнизом обнаружили в комнате у Аркадия Исааковича. В ней тоже были "керенки".

Эти находки послужили сигналом к тому, чтобы искать клад в нашей коммунальной квартире. Несколько дней все жильцы простукивали стены, надеясь, что Блюмберг где-то все-таки спрятал свои драгоценности. Еще одну нишу обнаружили под окном одной из комнат, но она была пуста. Я уверена, что если бы обнаружили клад, то разделили бы его поровну, независимо от того, в чьей комнате он находился.

Вот такой была наша коммуна. Я прожила в ней четыре года, а кажется, что полжизни.

В июле 2006 года в Нью-Йорке проводили в последний путь единственную оставшуюся из старых жильцов нашей коммунальной квартиры — Веру Лаврентьевну Кишиневскую.

Незадолго до смерти она мне сказала: "Напиши о нашей первой квартире". Я ее просьбу выполнила.

«Всемирные одесские новости»

в с е т и И н т е р н е т :

www.odessitclub.org

Валентин МАКСИМЕНКО Концертмейстеры

Согласитесь: имена концертмейстеров зачастую остаются в тени, особенно если ярлык солист — певец, инструменталист. А это совершенно несправедливо: музыкальное благополучие АНСАМБЛЯ во многом определяется искусством концертмейстера, как правило, человека более опытного, зрелого и эрудированного. Его вкус, мудрость, интуиция направляют солиста, ведут к вершинам музыкального исполнительства.

Раиса Исааковна Ойгензихт

Она была связана с Одесской консерваторией более шести десятилетий и ушла из жизни, оставив след в истории вуза как выдающийся мастер концертмейстерского искусства. У нее была нелегкая жизнь. В годы оккупации фашисты уничтожили родителей. Под Севастополем в 1942-м погиб брат (до войны он заведовал кафедрой в институте связи, чем особо гордилась Р. И.). Ей довелось пережить смерть единственного сына, потерять мужа и достойно прожить в трудном одиночестве два последних и самых сложных десятилетия, когда одолевали болезни.

Она vystояла до конца. Никогда не жаловалась, сама помогала другим. Научилась ходить после перелома шейки бедра и даже ухаживала, передвигаясь с помощью палочки, за соседкой по коммунальной квартире, у которой были два таких перелома... Во время нашей первой встречи, которой суждено было оказаться и последней, из коридора раздался характерный звук постукивания "ходунков". Р. И. извинилась и ушла кормить соседку. Я подумал, как ей, немолодой и нездоровой, было трудно принести домой продукты, приготовить, убрать, накормить... Вернувшись, Р. И. продолжила рассказ — информативный, четкий, остроумный — об интересовавшем меня музыканте, вспоминала о выдающихся людях, с которыми ее сводила судьба. Обидно, что не случилось "другой раз", о котором она говорила. Когда мы прощались, ей снова нужно было идти ухаживать за соседкой — не родственницей, а просто человеком, которому худо.

Поражала скромность быта Р. И., даже, если честно, убогость ее квартиры. Входную дверь можно было открыть, просто толкнув. Я сказал ей, что это опасно: у нее были хорошие картины, статуэтки, рояль. Она отмахнулась. Видно, Бог берег ее...

Р. И. родилась в Меджибе в 1911 году. В 1928-31 гг. она училась в Муздрамине, как тогда в духе времени называлась консерватория, у известного педагога М.М. Старковой, воспитавшей таких музыкантов, как Яков Зак, Людмила Гинзбург, Анна Май и др. Потом Р. И. работала в детских садах, школах, а с 1934 года ей довелось связать свою судьбу с консерваторией. Она была счастлива сотрудничать с профессором, заведующим кафедрой сольного пения В.А. Селявиным (именно поиск материалов о нем привел меня к Р. И.), профессором, дирижером оперного театра И.В. Прибиком. Эти маститые музыканты с уважением относились к молодой пианистке. Р. И. сохранила о них добрые воспоминания навсегда. Так уж случилось, что В.А. Селявин умер у нее на руках... Она описала этот грустный эпизод в статье, опубликованной в одном из консерваторских сборников. Ее воспоминания талантливы, они украшают сборник, хотя в них есть отдельные неточности, замечу справедливости ради (я специально занимался изучением жизни и творчества В.А. Селявина, имя которого, по-моему, не заняло пока подобающего места в истории вуза, поэтому и сумел обнаружить неточности, в целом же мемуары Р. И. способствуют увековечению памяти большого музыканта, которого,

к слову, высоко ценила и Л.Н. Гинзбург, считая его своим учителем, хотя он был певцом, а она пианисткой).

У Р. И. был явный литературный дар. Хочется верить, что в дальнейших выпусках консерваторских сборников будет достойно увековечено ее имя, как и имена целого ряда других выпускников, почти обойденных вниманием составителей, в частности, Е. Чавдар, Г. Олейниченко, Р. Сергиенко. З. Христич. Л. Саксонского и ряда других.

В годы войны Р. И. была в эвакуации. Ей пришлось работать не только по специальности, но и, например, телефонисткой. Воистину, она из тех, кто "победу приближали, как могли". Р. И. была награждена медалью "За доблестный труд в тылу" и могла гордиться этой вполне заслуженной наградой.

После окончания войны она возвращается в альма-матер. Ей повезло выступить в начале пятидесятых годов, когда развернулась "кампания по борьбе с космополитизмом". Она не расставалась с консерваторией до последних дней: даже выйдя на пенсию, продолжала приходить сюда — слушала, советовала, подсказывала, делясь своим богатейшим опытом. Ей довелось работать со многими талантливыми студентами — от Галины Литовченко, ученицы В.А. Селявина (она сестра Л.Н. Гинзбург), через Галину Поливанову, воспитанницу И.В. Райченко, до Александра Ворошило, окончившего консерваторию у О.Н. Благовидовой и ставшего солистом Большого театра. Ее искусство концертмейстера отмечено дипломом Первого украинского конкурса в 1945 году.

Р. И. была энциклопедически образованным музыкантом. Прекрасно знала и любила классику, но при этом была открыта и для современной музыки. Ей принадлежит честь и заслуга первого исполнения в Одессе "Симфонических танцев" Рахманинова (в авторском переложении для фортепиано), Концерта для голоса с оркестром Глиэра (с переложением оркестровой партии), цикла Шостаковича "Из еврейской народной поэзии" и целого ряда других сочинений, в том числе и одесских авторов.

Не жаловалась, что ее незаслуженно обходят почетные звания. Она была профессором де-факто, но, к сожалению, не де-юре. Благодарно отзывалась о ректоре консерватории Н.Л. Огрениче, который "терпит и не отправляет на пенсию".

Р. И. была многосторонне одаренным человеком. У уже упоминал о ее талантливых статьях. Игорь Потоцкий рассказывал о ее великолепных письмах (кстати, он посвятил Р. И. стихи, а его жена Людмила Самодаева — виолончельную пьесу). Раиса Исааковна пекла вкусные пироги, была гостеприимной хозяйкой. Умела дружить, несмотря на разницу в возрасте. Умела прощать (здесь я мысленно обращался к ней, когда ее молодые приятели уже после кончины Р. И. несколько месяцев не могли найти ее фотографию, да так и не нашли; не отметили ее юбилей концертом, хотя вроде бы были согласны, но, как говорится, не случилось... Впрочем, никогда не поздно почтить память УЧИТЕЛЯ и друга, была бы на то добрая воля, а я могу помочь в организации мемориального концерта, благо уже есть опыт и знание биографии Р. И. К слову, "круглые" даты для этого не нужны).

Она умерла в больнице мужественно, не обременяя, а даже подбадривая своих друзей. У нее было развитое чувство собственного достоинства, не изменявшее ей до конца.

Р.И. Ойгензихт тепло вспоминают коллеги и ученики. Вот фрагменты их рассказов о ней.

Академик Г.А. Поливанов: *"Она была музыкантом. Не любила делать комплименты, для пользы дела могла быть беспощадной. В ней сочетались воля, интеллект, высокий профессионализм. Ее муж не был музыкантом, но мог отличить в грамзаписи игру Гилельса от игры Рихтера. Однажды она попросила его послушать меня, и я до сих пор горжусь его похвалой. Как и восторженной оцен-*

кой К.А. Лаптева, который слушал наше с нею исполнение арии из кантаты Баха. Он сказал, что рояль у нее звучал, как оркестр".

Концертмейстер, лауреат международного конкурса В.А. Беляева: *"Я робела перед нею и благодарна Ире Татур, которая буквально заставила меня обратиться к Р. И., которая оказалась доброжелательной, чуткой. И я, и мой муж А.И. Дуда, показывавший ей свои программы, сохраняем чувство глубокой благодарности к Р. И."*

Профессор А.Н. Фоменко: *"Я занималась с Р. И. всего один год, но ее содержательные уроки незабываемы. Она стремилась поднимать нас до своего уровня. Я храню записи ее уроков, стараюсь передавать опыт Р. И. моим ученицам"*

Профессор А.В. Джамагорця: *"Мы, консерваторцы, всегда дорожили ее мнением. И я радовалась, когда оно совпадало с моим. Показывала ей программы своих учениц перед конкурсами. Было очень приятно ее одобрение Н. Ютеш, которая неоднократно успешно выступала на конкурсах вокалистов (Наталья — лауреат пяти вокальных конкурсов. — В. М.). У меня были замечательные учителя — О.Н. Благовидова, Б.А. Энтина. Но я счастлива, что я училась и у Р. И., не будучи формально ее студенткой"*

Доцент И.И. Могилевская: *"В Р. И. сочетались эрудиция и щедрость. Если нанести на карту мира флажки в тех местах, где работают ее ученики, уверена, получится впечатляющая картина. Все отдавая музыке, людям, она не умела просить для себя. Жила по Булгакову: "никогда ничего не просите". Правда, ей ничего не спешили приносить сами — я имею в виду знаки официального признания"*

Лауреат национального конкурса Л. Горелик: *"Р.И. Ойгензихт — это имя. Иногда говорят с сожалением, что она "была всего лишь доцентом". (кстати, это звание Р. И. получила на... 64-м году жизни, есть в этом что-то унизительное. — В. М.). Но она вошла в историю консерватории как Личность, Музыкант. Она была и остается камертоном в музыкальном исполнительстве"*

Народный артист Украины А.Т. Капустин: *"Я не был учеником Р. И., но я был студентом консерватории, где она работала и вольно или невольно задавала уровень требований к музыкантам. И этим горжусь"*

Мне хочется вспомнить о ее чувстве юмора, остром языке. Она могла заставить заплакать, но не жестокостью, а требовательностью, которая у нее органически уживалась с любовью к людям и уважением к МУЗЫКЕ. Свет ее личности еще долго будет светить нам"

Значит, жизнь была прожита не зря.

Белла Александровна Энтина

Мне не довелось знать ее лично. Однажды, зайдя в консерваторский класс профессора А.В. Джамагорця, я обратил внимание на висевшие на стене фотопортреты. Если, например, портрет Шарля Гуно не вызвал удивления, то рядом была фотография красивой женщины средних лет, лицо которой не было знакомым, но чем-то притягивало к себе... Заметив мой взгляд, Алиса Вартковская сказала: "Это наша дорогая Беллочка Энтина, концертмейстер от Бога. Сколько людей обязаны ей своими успехами в мире музыки..."

К сожалению, имя Беллы Александровны известно сегодня лишь узкому кругу профессионалов. Я сразу же обратился к консерваторским сборникам (в них есть, несмотря на многие неточности, немало полезной и интересной информации), но об Энтиной там было совсем немного сведений. Начал поиск, скромными результатами которого хочется поделиться, ибо фигура этого мастера пианистического искусства достойна благодарного внимания и доброй памяти.

Конечно, многие могли ее забыть: после смерти музыканта прошло почти четыре десятилетия. Да и формально она не принадлежала к "элите" педагогов, имена которых часто повторяют. Б.А. ушла из жизни, не удостоившись знаков официального признания, достойных таланта: лишь в 47 лет (за восемь лет до кончины) она была избрана на скромную должность старшего преподавателя, хотя, по сути, была профессором своего дела. В этом были едины все, кто знал ее и поделился воспоминаниями сперва в беседах со мной, а затем и со зрителями, которые пришли на вечер памяти Б.А. Энтиной. Этот вечер, проведенный Театральным обществом Дома актера совместно с педагогами консерватории в конце девяностых годов, если не ошибаюсь, был первым после ухода Б.А. Энтиной.

Белла Александровна родилась в 1914 году в нашем городе в семье токаря и домохозяйки. Ее настоящее имя и отчество — Блюма Алтеровна. Не ее вина, а наша беда, что люди были вынуждены "облагораживать" имена свои и близких.

Девочка брала частные уроки игры на фортепиано. Училась в трудовой школе, после окончания которой поступила в консерваторский класс профессора М.М. Старковой.

В 1936 году Энтина становится концертмейстером вокального класса Ольги Благовидовой, аккомпанирует ей в сольных концертах.

В годы войны Б.А. работала в Уфе в Башкирском отделении Московской консерватории, в классах таких музыкантов, как М.В. Владимиров (сестра и педагог знаменитой Валерии Барсовой) и Л.Н. Балановская (в свое время известная певица; только один штрих: после ее дебюта сам Титта Руффо надписал ей свою фотографию так: "Блестящей Джоконде с восхищением"). Эта работа была для Энтиной почетна и ответственна. Позднее Белла Александровна будет по праву гордиться медалью "За доблестный труд в Отечественной войне". На войне погиб ее брат Эммануил, она опекала его дочь Ларису...

После окончания войны Б.А. Энтина возвращается в Одессу, в класс О.Н. Благовидовой на скромную должность ассистента. Со временем она будет также вести камерное исполнительство и даже заведовать отделом концертмейстерства. Ей повезло сохранить свою работу в страшные годы "борьбы с космополитизмом". Концертмейстер Лия Вениаминовна Затурянская рассказывала мне, что Белле Александровне случайно удалось увидеть список людей, которые подлежали увольнению. Там была фамилия Лии Вениаминовны, о чем Энтина, рискуя головой, сказала коллеге. Конечно, Затурянская ничего не могла изменить в своей судьбе, но добрый порыв Беллы Александровны запомнила навсегда. Это был ПОСТУПОК, на который могли пойти очень и очень немногие. В основном думали о собственном выживании... Но кто сегодня за это может бросить в них или во след им камень?

Белле Александровне довелось сотрудничать с такими впоследствии известными музыкантами, как Зоя Христич, Раиса Сергиенко, Галина Олейниченко, Белла Руденко, Георгий Красуля, Алиса Джамагорця, Таисия Мороз, Валентина Олейникова, Людмила Цуркан, Сергей Терентьев и многими другими. В их успехах большой вклад Беллы Александровны.

В 1945 году ей был вручен диплом Первого всеукраинского конкурса музыкантов, подписанный народным артистом Союза И.С. Паторжинским. Параллельно с Б.А. в консерватории работала Р.И. Ойгензихт, тоже выдающийся мастер концертмейстерского искусства. В какой-то мере они были соперницами. Тем более интересно, что говорила Ойгензихт об Энтиной: "Ей было присуще артистическое самолюбие и умениестоять свою позицию. Она знала себе цену и обладала большим чувством собственного достоинства". Любопытно, что эти же слова по праву можно приложить к искусству самой Ойгензихт. Неявное соперничество двух больших музыкантов способствовало их творческим успехам, а это благо.

Наверное, стоит упомянуть, что Белла Александровна исполняла произведения одесских авторов — К. Данькевича, С. Орфеева, Т. Сидо-

ренко-Малюковой. Ей доводилось совместно с Раисой Исааковной играть фортепианные переложения симфонических произведений этих и других композиторов.

Белла Александровна часто говорила: "Надо любить сцену. Надо любить музыку, которую исполняешь. На сцене проходят болезни и немощности". (Любопытно, что аналогичную мысль высказывал другими словами и великий педагог Петр Соломонович Столярский: "Надо играть — микробы испугаются и разбегутся".) Слово коллегам Б.А. Энтиной.

Профессор кафедры сольного пения Таисия Мороз: *"Склоняю голову перед памятью моих незабвенных педагогов — Ольги Николаевны и Беллы Александровны. Б.А. Энтина была широко образованным человеком и хотела, чтобы такими становились ее ученики. Я помню все драгоценные советы этого большого музыканта, но почему-то особое впечатление на меня производил ее неизменный вопрос о том, что мы читаем. Так она стимулировала наш интерес к творчеству, культуре вообще. Нас воспитывал ее собственный пример — мастерство, знания, тонкость натуры. Рядом с нею хотелось становиться лучше"*

Алиса Джамагорця: *"Белла Александровна — художник высочайшей музыкальной культуры с безупречным вкусом и творческой выскальностью. Педагогом она была требовательным, но результативно достигала спокойной добротой"*

Б.А. внимательно относилось к слову, отлично владела немецким языком. При подготовке романсов зарубежных авторов требовала, чтобы мы знали не только общий смысл перевода, но понимали каждую фразу, каждое слово. Предлагала изучать биографию композитора, знакомиться с его творчеством в целом. Все это, справедливо считала она, необходимо для осмысления исполнения произведения и достижения подлинной художественности. Ее игра поражала нас интеллигентностью и изяществом. Всегда вспоминаю ее с любовью и благодарностью"

Солист филармонии Дмитрий Склема: *"Белла Александровна — мое солнышко! Как много она сделала для меня... Я пришел в консерваторию после работы в шахте и службы в армии. Она помогала навестить упущенное в искусстве, музыке, беспокоилась о моих житейских проблемах, старалась подкормить... Мне так хорошо и радостно работало с нею! Ее преждевременная смерть стала большим горем не только для меня, но и для всех, кто знал этого доброго человека"*

Заведующая литературной частью Театра оперы и балета Н.В. Остроухова: *"Я счастлива, что училась у Беллы Александровны, внешне всегда спокойной, неизменно отзывчивой и доброжелательной. Горжусь, что именно мне она доверила музыкальное воспитание своего внука (у Б.А. не было детей, речь идет о Павле — сыне дочери ее мужа от первого брака. — В. М.). Часто вспоминаю ее слова, адресованные мне: "Будешь играть хорошо — разрешу аккомпанировать Алисе Джамагорця". Я очень старалась, мы много работали. За четыре с половиной года под ее руководством я выучила около четырехсот произведений"*

Концертмейстер М.Н. Мельничук: *"Тогда в консерватории была блестящая плеяда концертмейстеров. Белла Александровна находилась на вершине этого Олимпа. Мы ходили на концерты не только чтобы слушать вокалистов, но и прочувствовать ее душевный, эмоциональный аккомпанемент. Музыкант высокого мастерства, эта мудрая женщина многое умела сказать своим искусством. Ее профессиональные советы запомнились на всю жизнь и стали путеводной звездой"*

Белла Александровна мужественно боролась со своей болезнью — астмой. Лекарствами, настоями трав (многим памятен непреходящий термос, с которым она приходила в класс) и... Музыкой. Увы, после упорной борьбы победил недуг. Она скончалась 3 января 1969 года. Заключилась земной путь Беллы Александровны, но ее жизнь продолжается в творчестве ее благодарных учеников и их воспитанников. Хочется, чтобы как можно больше людей помнило о ней.

И о Раисе Исааковне.

"Высоко сижу, далеко гляжу". Эта фраза сказочного персонажа — слово про Юрия Литвиненко... Многие снимки этого одесского фотохудожника сделаны с вертолета, с крыш высотных зданий при помощи, естественно, высококачественной оптики. Чисто одесское умение договариваться с людьми во имя высшей цели помогает Юрию делать свои головокружительные фотографии, снимая в труднодоступных уголках природы. Съемка с вертолета помогает запечатлеть представителей редких видов фауны, например, белую газель. С земли попробуй подобраться к пугливому животному, а "сверху видно все — ты так и знай!".

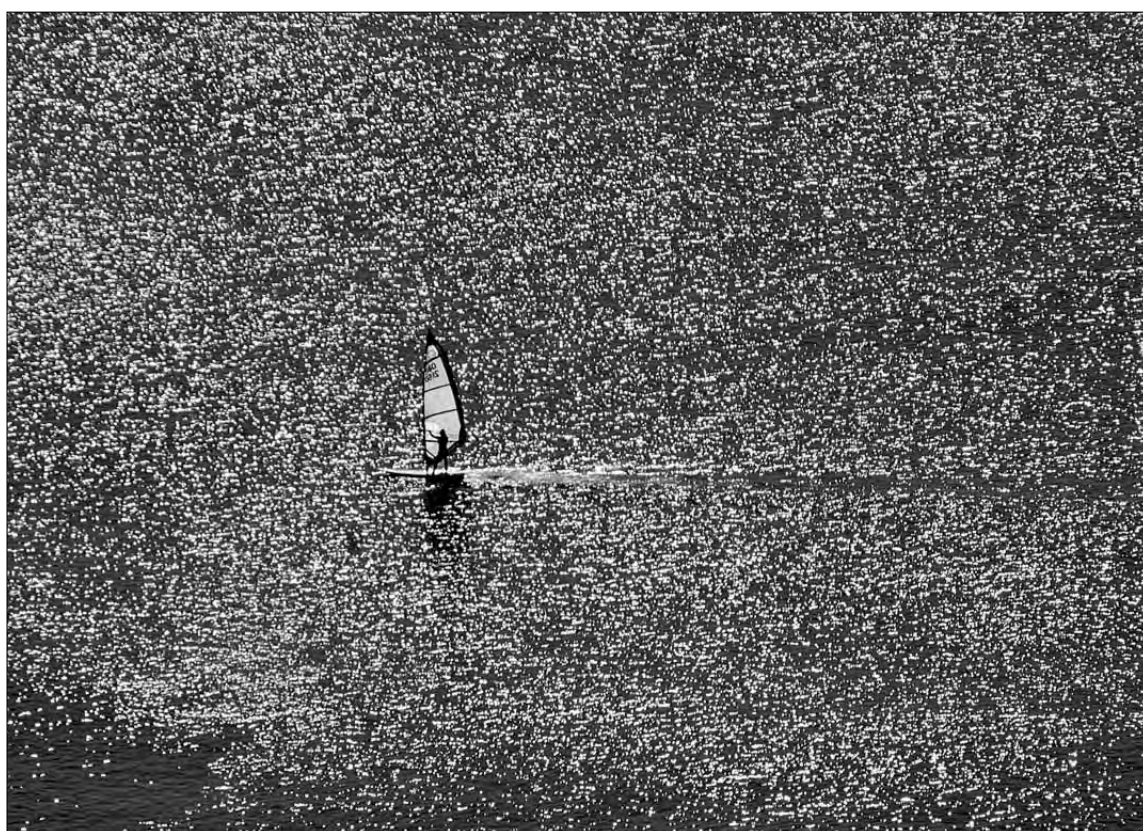
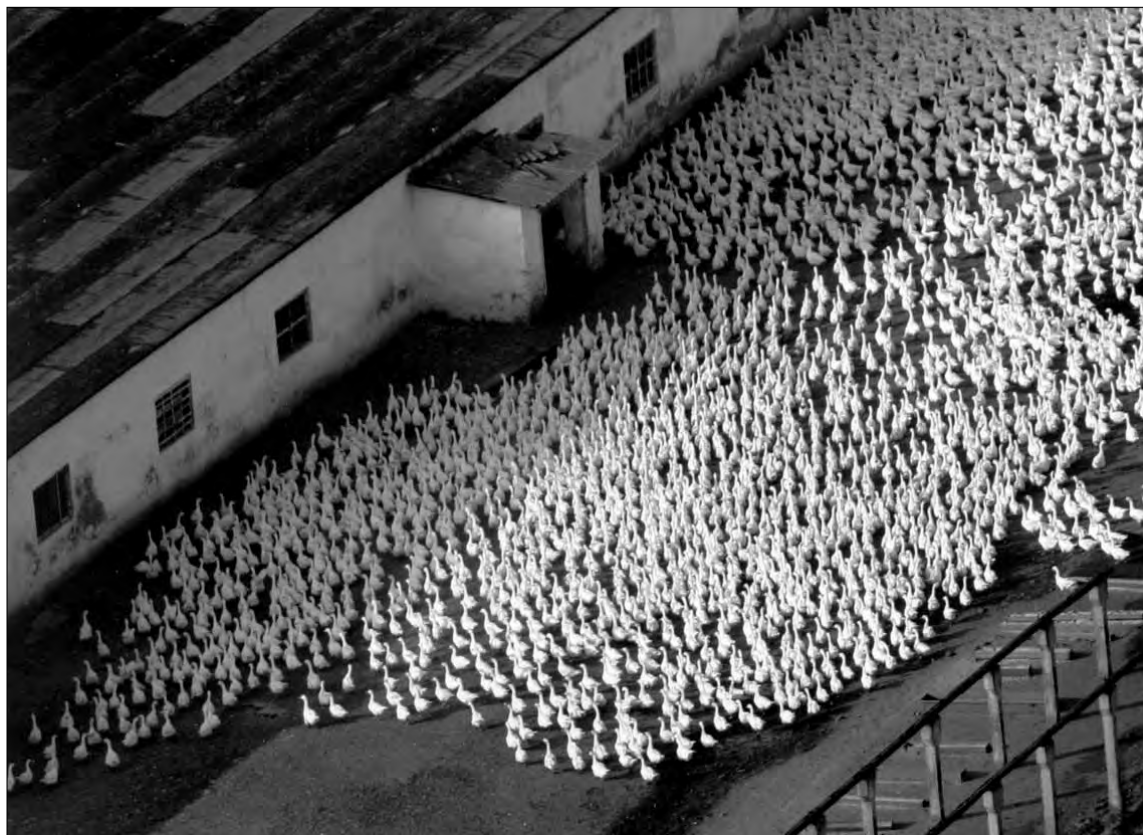
В прошлом математик, Юрий Литвиненко к своему увлечению фотоискусством подошел очень ответственно. В этом ему помогли супруга, художница Павлина Литвиненко, и ее учитель Валерий Мартынюк. Юрий всегда точно знает, какого эффекта желает добиться, снимая старую Одессу, и может год ожидать определенного освещения и погодного состояния, чтобы запечатлеть, например, "Шахский" дворец. А еще он любит баловаться с техникой, выбирая неожиданные ракурсы, при которых статуя Дюка словно парит в воздухе...

Еще одна большая любовь Юрия — яхтенный спорт. Он любит снимать яхты на регатах, когда они победно вспарывают волны, словно готовясь взлететь, и глубокой зимой, когда все эти "Корсары" и "Робины Гуды" скованы льдом и засыпаны снегом. В отличие от многих авторов, Юрий обожает критику в свой адрес и даже порой напрашивается на нее. Это помогает ему в работе. Но что же делать, если его работы захватывают дух, вызывают ощущение восторга, словно при полете? Приподнимитесь над обыденностью вместе с Юрием Литвиненко — очень рекомендую...

М. Г.

ВЗГЛЯД С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Юлия ДОБРОЛЮБСКАЯ, Андрей ДОБРОЛЮБСКИЙ

Образовательная разруха 1917-1920 гг. и создание Одесского института народного образования

Текст этой статьи — глава из книги "История Южно-украинского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского", которая подготовлена к изданию в связи с его 190-летием.

Февральская революция 1917 г., последующий октябрьский переворот и гражданская война привели сначала к немецкой оккупации, а затем к постоянному изменению властей в городе. В этих условиях Одесские высшие женские курсы (ОВЖК), как и другие вузы Одессы, могли работать лишь нерегулярно и эпизодически.

Ход и калейдоскоп событий, и бесконечная властная чехарда в Одессе в 1918-20 гг. абсолютно дезорганизовали систему образования, робкие попытки Центрального Совета, Гетманата, Директории наладить эту систему не успевали осуществляться и оставались лишь на уровне деклараций и намерений. В те годы советская власть в Одессе устанавливалась трижды: с 14 января по 12 марта 1918 г., с апреля по август 1919 г. и, окончательно, — с 7 февраля 1920 г. Уже с марта 1919 г. большевики начинают проводить свою образовательную политику.

10 марта 1919 г. отдел высшей школы Наркомобразования Украины утвердил "Временное положение... об управлении высшими учебными заведениями" (постановление № 8), по которому все они должны были вести работу в трех направлениях: научном, научно-учебном и образовательном. Должности ректора и проректора отменялись, а их функции выполнял назначенный Наркомобразования комиссар по делам высших учебных заведений. Своими действиями и решениями он должен был быть "образцом революционного творческого сознания пролетариата... образцом коммунистической дисциплины". "Временное положение" вносило радикальные изменения в организацию управления высшей школой, концентрировало все руководство ею в руках советской власти.

В конце апреля 1919 г. в Одессу прибыл уполномоченный Наркомобразования Украины и начал реализовывать соответствующие мероприятия по реорганизации высшей школы в Одессе. Собрания комиссаров всех вузов города составляли Совет комиссаров высших учебных заведений — РК ВУЗ. Одесское Губнаробразование, а затем РК ВУЗ возглавил известный историк проф. Е.Н. Щепкин.

Евгений Николаевич Щепкин — профессор Новороссийского университета до 1905 г., известный историк, общественный деятель, депутат Государственной Думы, член партии кадетов. С 1920 г. — член РКП(б). "Большой эрудит, умелый руководитель, талантливый лектор,

интересный собеседник и хороший старший товарищ", — характеризовал его профессор К.П. Добролюбский. С 1906 г. ему было отказано в штатной работе в Новороссийском университете за участие в революционном движении. Поэтому он занимал должность штатного профессора ОВЖК в 1906-1917 гг.

Известный математик В.Ф. Каган руководил научным отделом Губисполкома, а заведующим отделом профобразования был будущий выдающийся физик И.Е. Тамм.

Совет комиссаров выпустил в июле первый и единственный номер своего журнала "Высшая школа". "Твердым и непреклонным, — писалось в редакционном заявлении, — остается наш основной критерий — расстройство старой школы и потребность создания новой пролетарской трудовой школы". Среди других материалов здесь были напечатаны статьи Е.Н. Щепкина, Д.К. Третьякова, Н.Н. Ланге.

В Одессе на то время существовало пять высших учебных заведений: университет, высшие женские курсы, высший международный институт, политехнический и сельскохозяйственный институты. Решением РК ВУЗ они были объединены в единый университет (сюда же вошли женские медицинские курсы).

Руководство университета и его профессора оказывали сопротивление и отказывались внедрять в жизнь мероприятия советской власти. Как свидетельствуют документы "компетентных" органов начала 1920-х гг., "старая "непримиримая" профессура активно себя не проявляет, стремясь действовать скрыто, противодействуя новым методам преподавания. Нездоровые отношения властвуют между [старой профессурой] и младшими советскими настроенными преподавателями". В таких обстоятельствах губернским комиссаром образования было решено передать временное руководство университету Революционному студенческому совету (Ревстур), который существовал под надзором комиссара образования. Ректор, проректор, деканы с 27 апреля 1919 г. от служебных обязанностей освобождались. Совет университета прекращал свои заседания. "Проф. Евгений Щепкин, "комиссар народного образования", — писал И. Бунин, — передал управление университетом "семи представителям революционного студенчества", таким, говорят, негодям, которых даже и теперь днем с огнем не найти".

Вступительные экзамены были упразднены, проводились лишь собеседования по соответствующим дисциплинам. Само слово "студент" в 1920-е годы употреблялось лишь по отношению к тем, кто был студентом при прежнем режиме. Для нового советского студенчества нашлось определение "вузовцы" (аналогичный, известный для тех времен термин "рабфакотцы"). Курсовая система и государственные экзамены ликвидировались. Факультеты выдавали лишь справки об окончании учебы. Все прежние научные звания отменялись — отныне все были преподавателями и ассистентами. Для поощрения к учебе был введен подготовительный семестр, открыты для желающих учиться все университетские музеи и университетский ботанический сад. Консультации давали Ю.А. Гапонов, А.Р. Прендель, Д.К. Тре-

тьяков. Организовывались публичные лекции, где среди других с докладами выступали литературовед Л.П. Гросман, медик В. Воронин.

16 июля 1919 г. комиссия Одесского поветового отдела народного образования под руководством А.Д. Станкова приняла постановление о необходимости открытия в Одессе Украинского учительского института и "...ввиду важности вопроса возбудить об этом перед Губотделом народного образования мотивированное ходатайство". По достоверным данным, в институт было принято 60 студентов и 13 преподавателей.

Но перед самым началом занятий, 23 августа, Одессу захватили денкины, которые свели на нет все начинания советской власти. Генерал Деникин был избран почетным членом университета, и началось преследование тех профессоров (Е.Н. Щепкина, который был арестован, Н.Н. Ланге, К.П. Добролюбского), кто сотрудничал с большевистской властью.

С 7 февраля 1920 г. большевики, окончательно утвердив свою власть в Одессе, начинают твердо проводить свою образовательную политику. Одесский губернский и поветовый отделы народного образования возглавили Я.П. Ряппо, В.Н. Потемкин, А.Д. Станков, А.М. Панкратова — в дальнейшем известные деятели советской науки и культуры. 23 февраля при Одесском губернском отделе народного образования был создан подотдел высшей школы. К его работе опять были привлечены такие известные специалисты, как В.Ф. Каган и И.А. Гибиш.

Принципы нового образования были сформулированы В.И. Лениным и Программой РКП(б) сразу после октябрьского переворота. "Задача новой педагогики, — писал он, — связать учительскую деятельность с заданиями социалистической организации общества". В связи с вопросом о приеме в вузы В.И. Ленин требовал уничтожить привилегии "для зажиточных классов", подчеркивал, что "на первое место, безусловно, должны быть приняты лица из среды пролетариата и более бедного крестьянства", настаивал на сокрушительной борьбе с "саботажем", с теми, кто использует "силу знания как монополию богатых против бедных". Партийные документы главным заданием в отрасли образования провозглашали "открытие широкого доступа в аудитории высшей школы для всех, кто желает учиться, и в первую очередь для рабочих; привлечение к преподавательской деятельности всех, кто может там учить; устранение всех и всевозможных искусственных преград между свежими научными силами и кафедрой; материальное обеспечение студентов с целью предоставить фактическую возможность пролетариям и крестьянам воспользоваться высшей школой".

С начала 1920 г. Наркомобразования Украины развернул широкую деятельность по перестройке новой средней и высшей школы, улучшению подготовки специалистов. 24 февраля 1920 г. была разработана новая "Временная инструкция губернским отделам народного образования", в которой речь шла о введении ряда изменений в организацию деятельности высшей школы. Ею предусматривалось образование в Украине институтов народного образования. Постановление от 3 мая 1920 г. о приеме в вузы дальше конкретизировало положение основного документа.

Старoportofrankovskaya, 26. Здание 2-й мужской гимназии — первое здание ИНО

В течение 1920-21 гг. усилия руководства народного образования Одессы параллельно направлялись на возобновление работы Украинского учительского (педагогического) института (открытие которого было впервые провозглашено в июле 1919 г.), на ликвидацию Новороссийского университета и на решение судьбы негосударственных учебных учреждений (Высших женских курсов, Международного института, Фребелевского института и некоторых других).

Учительский (педагогический) институт был открыт по приказу Губнаробразования 1 апреля 1920 г. Его заведующий, проф. Р.М. Волков, был должен "спешно разработать вопрос об организации при институте курсов для подготовки учителей для школ по ликвидации неграмотности". Этот институт существовал четыре месяца, но, в сущности, так и не приступил к работе. Была лишь сделана вялая попытка открыть учительские курсы в селе Исаево (в настоящее время Анапьевский район).

Высшие женские курсы были упразднены в июне 1920 г., а Новороссийский университет — еще в мае. Первым шагом на пути полной его ликвидации было отделение медицинского факультета (возникла Медицинская академия) и создание Физико-математического института (апрель 1920 г.). В мае были закрыты исторический и юридический факультеты. На их базе возник Гуманитарно-общественный институт, который просуществовал два года и превратился в Институт народного хозяйства. Самостоятельными учреждениями стали Научная библиотека, которую возглавил известный ученый-психолог С.Л. Рубинштейн, и Ботанический сад. В 1921-1922 учебном году существовал еще и научно-исследовательский Археологический институт (Архин), во главе которого стояли профессор Ю.Г. Оксман и С.С. Дложевский, и который состоял из двух отделений: археологического и археологического. Новороссийский университет перестал существовать.

Решение заседания Губнаробразования от 10 июня 1920 г. "О студентах ликвидированных юридического и историко-филологического факультетов Новороссийского университета, студентах Международного института, студентах экономического отделения Политехникума" предусматривало: "Ввиду недостатка культурных сил и тех заданий, которые Губнаробразования ставит себе в ближайшем будущем, ввиду необходимости использовать часть студентов этих факультетов для создания кадров подготовленных слушателей факультетов Педагогического института (факультеты дошкольного, школьного и внешкольного воспитания) и Гуманитарно-общественного института, возбудить ходатайство перед Реввоенсоветом Юго-западного фронта о зачислении определенных кадров работников-студентов историко-филологического факультета Новороссийского университета, студентов Международного института и студентов экономического отделения Политехникума".

Относительно Фребелевского института на заседании Губнаробра-

зования от 18 июня 1920 г. было принято решение: "Передать Украинский Фребелевский институт в Педагогический институт в с. Исаево в ведение отдела вузов для включения в педагогический факультет".

Таким образом, вся "старая" система образования в Одессе была полностью разрушена.

Для выполнения упомянутой "Временной инструкции" об организации институтов народного образования, в августе 1920 г. был создан "новый Институт Народного Образования (педагогический) (ИНО) с отделениями для подготовки учителей для учреждений дошкольных, внешкольных и школьных". Его ректором был назначен проф. Р.М. Волков.

Роман Михайлович Волков — профессор Новороссийского университета, в 1920-1922 гг. был ректором Одесского ИНО, руководил кафедрой русской литературы факультета социального воспитания (впоследствии — педагогического института). В кругу научных интересов Р.М. Волкова — история русской и украинской литературы, народное поэтическое творчество, этнография, фольклоризм. Именно Р.М. Волков начал в отечественной науке системное психологическое исследование сюжета народной сказки. Ему принадлежат 152 научных труда. Дольше всех Волковские чтения, посвященные исследованиям в области литературоведения и фольклоризма.

В ИНО влились Высшие женские курсы, Учительский (Педагогический) институт (что был основан в с. Исаево), Фребелевский институт, а в дальнейшем и структурные подразделения разрушенного Новороссийского университета. Можно видеть, что Институт народного образования (ИНО) унаследовал лучшие образовательные стандарты и традиции Педагогического института, Одесских женских педагогических курсов, Одесских высших женских курсов и Новороссийского университета.

Сначала ИНО разместился в помещении прежней второй мужской гимназии по ул. Старoportofrankovskaya, 26, где до сих пор находится главный корпус Южноукраинского педагогического университета, и в доме по ул. Манежной, 32. Позже, в 1921 г., ИНО был передан и главный корпус закрытого Новороссийского университета по ул. Дворянской, 2.

Гая МАРКЕЛОВА

«Думая о будущем, хочу видеть перспективу!»

18 января 2008 года исполнится 70 лет нашему земляку, коллекционеру Михаилу Кнобелю

Собрание, коллекция, музей — слова одного ряда. Того ряда, который обуславливает отношение Человека к результатам своего Бытия, к "вещному" слою, который отчасти определяет культуру. Культуру, которая, проникая во все уровни сознания и жизнедеятельности, создает новые плоды. Уместно вспомнить здесь библейское: "По плодам их судите о них".

Артефакты — самые зримые, осязаемые плоды. По артефактам можно судить об уровне прогресса, составить представление о ментальном состоянии общества, догадываться о заветных желаниях мастера-творца, которые надежно спрятаны от него самого в глубинах подсознания. Собранные вместе, они (артефакты) являются овеществленной памятью, памятью рода, времени, земли. Обеспамитовав, человек превращается в страшного зверя, пляшущего на костях своих предков.

Нам, одесситам, постоянно подбрасываются искушения — то в виде государственных учреждений на месте захоронений (Куликово поле), то увеселительных аттракционов на месте могил первых одесситов (Первое кладбище), то мусорников, в которые нерадивые работники превращают бывшее кладбище (Старое еврейское). Да и состояние наших музеев (их стен, лестниц, крыш) внушает трепет ужаса. И в этом контексте роль личности, способной уберечь от мерзости запустения нашу память, возрастает, становясь ключевой. Как золотоискатели, просеивающие через драгу песок дабы найти золото, люди, имена которым меценаты, коллекционеры, отбирают по крупице то, что предопределяет данный временной срез культуры.

Город наш судьба иногда балует удивительными личностями, и я хочу рассказать об одной из них, нашем современнике, который уже на протяжении тридцати лет проводит немалую работу, собирая произведения искусства одесситов.

Думаю, что любовь к городу перешла к нему от его родителей, одесситов, молодых энтузиастов, которые по назначению после окончания одесского пединститута уехали преподавать на Памир, увозя с собой в разреженную прозрачность горного воздуха воспоминание о шуме черноморской волны. Там и появился на свет наш герой — почти семьдесят лет тому назад.

"Дети войны" — это не просто статус. Это комплекс нереализованных возможностей. Это почти всегда обоженное солнцем эвакуации детство, тоска и слезы матерей, первый огрызок химического карандаша, поломанного и обкусанного, которым стараешься изобразить порхающую бабочку. Затем возвращение "домой", в руину, в ужасающий шепот откровения, когда наука выживания предстает пред тобой во всем многообразии коллизий, когда ты забываешь те твои первые старания над клочком линованной тетрадки с огрыском карандаша в руке...

С военного сорок четвертого жизни Михаила Кнобеля связана с Одессой, которая вошла в его сердце, в каждую клеточку его естества, связав его нерасторжимыми узами любви. "Я не смог уехать, когда вопрос стоял весьма остро, когда уезжала моя семья, я остался. Я — одессит, потомственный", — говорит Михаил Зиновьевич.

С Одессой связано и начало его коллекции. Как-то в московском "комке" он купил приглянувшийся пейзаж. Присмотревшись, узнал знакомое, родное, одесское. Заинтересовался подписью, разузнал о художнике, — оказался Лукьян,

одесский художник. Итак, первое, почти случайное, приобретение всколыхнуло воспоминания детства, открыло неведомый ранее путь длиною в тридцать лет. Путь этот приводит к самому себе, к познанию времени, к сохранению памяти о нас, одесситах, любующихся выпуклым горизонтом вместе с Юрием Егоровым, усмевающимися над деревенскими сценами вместе с Юрием Коваленко, выбрасывающих трепещущие флажки в пронзительную голубизну неба вместе с Олегом Волошиновым...

На сегодняшний день коллекция Михаила Кнобеля охватывает творчество одесских художников последних семидесяти лет. Филигранные акварели Олега Соколова подписаны 1957 годом, тонкий, изысканный натюрморт Пархета подписан 1934 годом.

"Меня в коллекции интересует не количество: лучше, чтоб художник был представлен одной или двумя работами, но яркими, интересными", — формулирует свое кредо коллекционер.

Михаил Кнобель любит удивлять своими сокровищами. Показывать работы для него ритуал, действо. Да и к работам он относится бережно. Тщательно выбранная рама или подставка под скульптурную композицию всегда ненавязчиво подчеркивает особенность, обычно не замечаемую сразу. Нужно сказать, что состояние рисунков, холстов, скульптур бывает просто ужасным. Руки, через которые проходят артефакты, не всегда осознают ценность того, с чем они соприкасаются, так что работам достается и от невежества, и от равнодушия. И тут Кнобель выступает в роли и реставратора, и оформителя. Приходится только удивляться, как много умений и знаний приобрел этот инженер, когда дал выход своей любви к искусству.

Первый раз свое собрание работ современных художников Одессы Михаил Кнобель показал в 1993 году. Выставка состоялась в Художественном музее. На открытие выставки коллекционер на личные средства пригласил художников — одесситов, которые работают теперь в разных уголках Украины. Он первый вскрыл проблему, назревшую к концу прошлого века. Состояние художественной жизни последних годов существования советского строя и предыдущего давления на творческую личность, которая не вписывалась в идеологические каноны, привели к тому, что многие работы раскупались и отбывали за рубеж. Покидали страну и сами художники. Саша Ануфриев, Володя Стрельников, Володя Наумец, Юрий Диков, Юра Цуркан, Люсик Межберг, Люсик Дульфан и многие, многие разлетелись по всему миру. Кнобель же показал современное искусство Одессы и доказал, что оно имеет высокий уровень мастерства. Перелистывая

"Книгу отзывов" с первой выставки, натапливаемся на такие записи:

"Экспозиция в целом привлекает взор, спуски к морю изумительны!!! "Солнце" Басанца слепит глаза, другие имена не осмеливаюсь называть, ибо все — Мастера. Такой колоритный подбор давно нам не показывали! Поклон Создателю, который одарил Божьей искрой столько художников нашего города!" Борис Левых

Записи сделаны на русском, украинском, польском, английском, испанском, иврите, арабском, французском...

лять наш город и его искусство при всех зарубежных контактах.

"Дело то в том, что нет у нас никаких законов, которые бы поддерживали филантропические начинания. Ни милосердие, ни филантропия у нас не в чести. Мы, коллекционеры, — "бесправны", в том смысле, что в правовом отношении мы не защищены. Я понимаю, что сделанное (собранное) сейчас через сто-двести лет станет вехой в истории искусства, — всякий раз подчеркивает Кнобель. — Если бы у меня была возможность построить Музей современного искусства! Показать в нем одесских мастеров, которые сделают честь любому городу! Выбрав свое направление, я рискую, зато я приобщаюсь к развитию художественного процесса, к истории изобразительного искусства, творимого сегодня. Это особое ощущение! Если меня спросят, о чем я мечтаю, то это — создать Музей современного искусства в Одессе!"

А пока одна за другой выставки всякий раз восхищают одесситов.

"Я хоть сегодня могу сделать выставку портрета или любую тематическую выставку", — нет, не хвастает, а констатирует Михаил Зиновьевич и показывает воспитательные портреты, сделанные рукой Володи Наумца. Сквозь пронзительную синь пы-

12.07.93

"Замечательная выставка. Все прекрасно, душу захватывает. Спасибо за предоставленную возможность увидеть все это".

17.07.93

"Слава богатым людям! Особенно тем, кто с хорошим вкусом! И своеобразной "дальнозоркостью"... Спасибо, Михаил Зиновьевич!" (Подпись неразборчива.)

16.07.93

"Сильнейшая выставка! Одессе есть чем гордиться и кем. Спасибо Кнобелю за выставку". Поповиченко Андрей

17.07.93

А рядом подлой рукой нацарапано: "которую он увозит навсегда".

И это тогда, когда Кнобель первый поднимает вопрос о том, что Одессе необходимо музей современного искусства. Кстат, помощь в создании такого музея власти обещали, а воз и ныне там. За пятнадцать лет независимости такие обещания коллекционеру выслушать пришлось не раз — и на разных уровнях власти, и от разных функционеров.

То же произошло и с альбомом "Мистецтво Одеси в колекції Михайла Кнобеля", который был издан на личные средства Кнобеля в 2002 году и презентован одесской и киевской публике на выставках с аналогичным названием, которые проходили в Музее западного и восточного искусства в Одессе и в Национальном музее Украины (Киев) в 2003 году.

Никакой поддержки меценат не получив от властей, а этот альбом мог бы с достоинством представ-

тит трубкой Валик Хрущ, как-то особенно выворачивая руку с трубкой, а вот сам хозяин, Михаил Кнобель, смотрит на вас с портрета, где энергичный поворот головы подчеркнут темной широкой линией. Грандиозную выставку Володи Наумца организовал тоже Михаил Зиновьевич.

Зачастую у него складываются сердечные, дружественные отношения с художниками. Уже много лет он дружит с Олегом Волошиновым. "Уверен, что место Волошинова в первых рядах одесских имен, что его роль в жизни городской школы недооценена. Многие его работы разбазарены, но с 90-х годов он стал работать по-иному. Понятно, что это веяние времени. Но и без моего влияния не обошлось! — улыбается Михаил Зиновьевич Кнобель. — Художник растет, совершенствуется, все происходит у меня на глазах. Но я не пассивный наблюдатель. Я рядом. Я — соучастник. Это особое ощущение принадлежности к творчеству, внутреннему росту. Художники стали частью моей жизни. Надеюсь, что я тоже вошел в их жизнь. Наши отношения могут изменяться, но получен общий опыт, много моментов уже произошло. Они зафиксированы в моей коллекции. И это самое драгоценное для меня".

Общение с художниками приносит ему истинное удовольствие, особенно, когда процесс творчества происходит на его глазах. Как он рассказывает о том, как владеет новой техникой Володя Наумец, как медитативно работает Олег Волошинов, как бережно кладет мазок Женя Рахманин, какие чудеса может делать

с металлом Миша Рева! Такие же нотки нежности слышны в его голосе, когда он рассказывает о своей внучке Лизе.

Он воспринимает художников породственному, открытым сердцем, понимая, что отношения с ними порой омрачаются товарно-денежными отношениями. У него есть даже собственная теория. Уважая самооценку наших творцов, он все же просит не забывать о том, что его финансовые возможности не безграничны. Чаще всего та сумма, которой достоин художник, даже когда его претензии справедливы, отсутствует. Приходится находить компромисс. "Чаще всего мы его находим!" — уверяет Кнобель

Мечтая о будущем, Михаил Зиновьевич Кнобель постоянно твердит, что есть художники, которые живут в Одессе, а есть художники, которые представляют одесскую школу в мире, работая по разным странам, но оставаясь по духу одесситами. Школа эта корнями уходит в южнорусскую школу, туда, к Костанди, Куинджи, Айвазовскому даже, несмотря на то, что его пребывание в Одессе было недолгим. К Дворникову, Нилусу, Кузнецову, Кандинскому, но обогащенная опытом постмодернистов, она принесла необыкновенные плоды, исследовать которые предстоит грядущим поколениям. Именно поэтому нужно многое сохранить.

Он мечтает еще об одном каталоге, который охватил бы весь более чем столетний период. Он мечтает еще об одной большой выставке, которая бы содержала работы из его коллекции и включала бы дополнительно отдельный зал с работами его друга, художника Олега Волошинова, которому в этом году тоже исполнилось семьдесят. Но более всего он мечтает об одесском музее современного искусства. Он уверен, что такой музей нужен, прежде всего, городу, — чтобы сохранить память, чтобы молодое поколение воспитывалось бы не на белых пятнах нововознесенных заборов. Чтобы запечатленная в этих артефактах любовь к нашему городу, к зеленению на морском ветру прядям Александра Сергеевича, отраженная в ярких, цветущих красавицах Прокпенко, в мерцающих пейзажах Басанца, перешла бы в сердца грядущим поколениям.

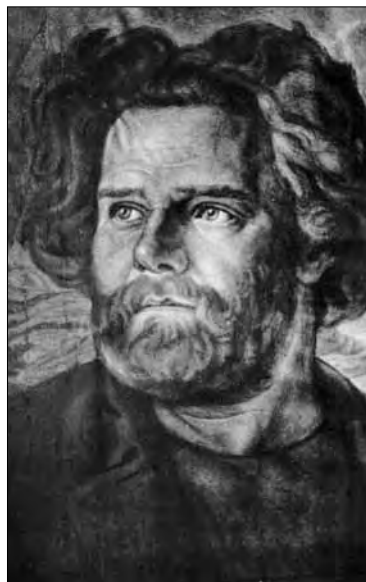
"Думая о будущем, хочу видеть перспективу!" — твердит Михаил Зиновьевич. Для него эта перспектива обозначена летящей линией Валик Хруща, взмахом крыльев ангелов с полотен Саши Ануфриева, эстетскими композициями Стомбура, нежностью полотен Валентина Филиппенко, горными пейзажами Евгения Рахманина, изгибающейся морской далью Юрия Егорова, золотой рыбкой в мерцающем свете Владимира Наумца, светом далекого маяка и легкого морского бриза в полотнах Олега Волошинова... Всем тем, что составляло основу его жизни, занимало все его помыслы, все его естество уже тридцать лет. Оглядываясь назад, он вспоминает годы, которые были проведены с друзьями в жарких спорах об искусстве, потому что все были максималистами, для которых жизнь вне искусства была немислима. Остались полотна, насыщенные необычайной энергией, и, как сейчас принято говорить, излучающие особую ауру. Как бы хотелось соединить их всех в одном месте, достойном их гения и того страдания, которое было преодолено создающей силой таланта, превращающей в артефакты эмоциональное напряжение данного времени и данного пространства, выстраивая в перспективу строительства такого желанного, нужного Музея.

Коктебель. Портрет М. Волошина

Коктебель. Улица, ведущая к дому поэта

Коктебель. Портрет М. Волошина

Юлия ЖАРКОВА

СТРАНА КОКТЕБЕЛЬ

Однажды мы поехали за тридевять земель счастья искать.

Наш американский друг и волшебник Ноэль катил нас в составе трех — а это были Ольч, Янч и автор этих строк — по долгим дорогам в Крым, на его машине spassiba. Мы вели себя, как герои Кустурицы, который не переставая пел "I am pit-bull", — пели весь день и всю ночь, на разных языках — дабы наш друг за рулем не оказался нечаянно в объятиях Морфея.

К слову, сильнейшее впечатление на Ноэля оказали пластмассовые цветы, которые у нас принято прикреплять в местах дорожно-транспортных происшествий. Ноэль спрашивал как-то меня, что значат эти цветы. Помню, мой мозг в тот момент уже не воспринимал английский, и я ему ответила, что, мол, не знаю...

Будучи человеком настойчивым, Ноэль узнал у других одесситов, зачем украшают этими "plastic flowers" деревья и телеграфные столбы. Потому, пока мы ехали в Крым, "plastic flowers" упоминались довольно часто. Особенно в местах повышенной асфальтовой бугристости.

Но вот наконец мы в Феодосии... Фиолетовой и серо-голубой.

Идем на набережную в 6 утра. Солнце розово встает над шелковым морем бледно-золотым. И небо провозглашает тишину и прикладывает палец к губам. И все мне говорило: "Забудь свою любовь". Но я не верила ни розовому солнцу, ни шершавой земле, ни сказочному бумажному мусору на белых пляжах.

Мы искали гостиницу моего детства "Феодосия" — фиолетовую и старую, залитую горячими солеными дождями. Не нашли, потому что давным-давно ее снесли. Вместо воздвигся евроремонтный пионерлагерь.

И мы покатали в Коктебель. Я заснула, и снилось мне, что я и вправду полюбила, и весь сон я летела в пустые колодцы без дна, пока меня не растолкали круглыми, как камушки на море, словами: "коктебель, коктебель". Был уже яркий светло-желтый полдень.

Остановились мы в гномичьем домике с палисадником.

Мы купили персики и виноград, от которого кружилась голова. Вполне возможно, у нас кружились головы от голода и бессонной ночи в машине, но улыбки распускались

на наших лицах сами, без приглашения, как неприхотливые цветы.

А вечером нас ожидала музыка и переживание настоящего рая.

Это был джазовый фестиваль, и он стянул наиболее чудесных людей со всех концов света.

Мой сын, он же Янч, плясал под джаз, блюз и рок-н-ролл, и его окружали совершенно такие же дети-красоты и их родители. И все это возле дома Волошина.

Так еще день был проведен в умирении и изнеможении. Мы купались в бирюзовом море. Слева лиловела, белела, иногда — желтела или краснела гора-Хамелеон, а справа свой взгляд устремлял вдаль гигантский, обращенный ко всем в профиль, Макс Волошин. И на этом пляже когда-то, помнится, Марина Цветаева нашла сердо-

лик, встретила Сергея Эфрона и написала стих "С. Э.", где есть такие слова: "...что ты любим, любим, любим — расписывалась радугой небесной".

Сейчас на побережье поставили пластмассовые шезлонги — это было, мягко говоря, странно, поскольку ничего общего не имело с состоянием первозданности, глубокой бирюзы, звезд над горами, кипарисами и полынью, изначально присущим этим местам.

Я закрывала глаза, и в голове в такт волнам звучала тихая песня Леннона "Oh my love for the first time in my life...". С этой песней у меня особые отношения. Если она начинает звучать в моей голове, то всегда спонтанно. И всегда бледно-голубого цвета.

А вообще, странно я себя чувствую в Крыму. Чувствую себя там ДОМА...

Медленно засыпая на перламутровом песке, некоторые без труда замечают обитателей громадных облаков, которые, позолотев от закатного солнца и поглубев от моря, застывают над вершинами гор.

Коктебель. В доме поэта

Коктебель. Комнаты в Доме Волошина

Влада БРОНЗ

ДЕТСТВО

Воспоминания моего детства — это мое маленькое утешение в минуту слабости, опущенных рук, отрицания возможного счастья. Это энергетическая подпитка уставшего организма, позволяющая по-новому взглянуть на мир вне моего воображения.

Все началось с квартиры, в которой я родилась, где я прожила всего лишь первые четыре года, — оттого память меня подводит, возникающие образы нечетки, однако ощущение звуков и запахов моего первого дома я пронесла сквозь годы в мир взрослых, и каждый раз, возвращаясь в мыслях в то место, я испытываю невероятное счастье — я пришла в этот мир.

Итак, улица Франца Меринга, 75, квартира 3. 80-е годы. Годы, когда многие из вас жили обыкновенными взрослыми буднями, я просыпалась в средневековой обители странных портретов людей, умерших столетия назад, Иисуса Христа, в частности, и напротив — робко взирающего на него монаха Савонаролы; среди чучел экзотических животных, необыкновенной мебели стиля роко-барокко и прочей антикварной круговерти, пугавшей и завораживавшей меня одновременно.

Гостиная комната наполнена густым запахом масляных красок, глубоко врезавшимся в мою память и сердце.

Выхожу на балкон. Третий этаж. Я — еще совсем маленькая девоч-

ка, соответственно, мир сверху кажется огромным и непостижимым.

Напротив, сквозь призму, как мне казалось, цветного дождя, просматриваются волшебные серые здания. Королевские замки и сказочные деревья.

Теперь, проходя по этой улице, замечаешь, что дома стали ниже, дороги уже, дождь прозрачнее.

Возвращаюсь в гостиную. Дверь справа ведет в комнату моего брата. Играл пластинка Высоцкого, комната заполнена горами проиллюстрированных энциклопедий, аудиокассет и пластинок, вокруг небрежно разбросаны художественные произведения классиков, альбомы с картинами великих художников, пособия по биологии и анатомии. Где-то в углу стоит мой детский барабан и фокусный набор юного мага, который, впрочем, не раз доказал, что я не обладаю никакими сверхъестественными способностями.

Эта узкая длинная комната, где колыбель мне заменяли страшные сказки на ночь с участием героев известных романов и советского кино, раз и навсегда определила мой вкус и мои страхи.

Другим миром казалась комната бабушки. Я не помню цвета стен, но она представляется мне небесно-голубой и неизменно ассоциируется со светлым временем суток, запахом апельсинов и фильмом "Обыкновенное чудо".

Вспоминаю бабушку на маленькой кухне с антресолями, также обладавшей своим особым запахом. Это смесь овощного аромата, запаха ненужного хлама, набитого пылью, и едкой, уже потрескавшейся краски, покрывавшей дверь антресоли.

Бабушка, гордая красивая женщина, которую бабушкой и не назовешь, варит ненавистный мне куриный бульон. Однако находясь там, рядом с ней, ощущаешь тепло и защищен-

ность, которую не почувствуешь ни в одной из перечисленных комнат.

Эти воспоминания — волшебный, далекий мир, где я жила особенной жизнью, отличной от мира за пределами моего дома. В некотором роде зеркальце, где детство пропитано масляными красками, а над кроватью слетелись неживые птицы, охраняющие мой цветной сон, всматриваясь в темноту своими искусственными глазами.

И вот я выхожу в коридор.

До блеска начищенные паркетные полы, шесть старых дверей, ведущие в шесть разных комнат, три из которых приютили чужие семьи.

А ведь когда-то эта квартира целиком принадлежала моим прапрадедкам. И мама моя, жившая в той самой узкой длинной комнате моего брата, наверняка сохранила свои особенные воспоминания о том далеком времени, о виде с балкона третьего этажа, о пробуждении в квартире 3 на улице Нежинской, 75. Но это уже совсем другая история.

ИГРА В ПОКОЙНИКА

При кажущейся внешней простоте ставить пьесы А. Мардана далеко не просто. У драматурга острый глаз, социологическая точность при анализе отношений персонажей, умение соединить художественность с аналитичностью. В сущности, как мне представляется, он пишет одну пьесу о своем поколении, из которого одни — в лидерах, другие — аутсайдеры. Кто-то смирился с тем, что проиграл, некоторые сопротивляются обстоятельствам. Одни рефлексируют, другие действуют. Его герои, притом, что в реальной жизни их можно встретить на каждом шагу, не ходулы, не банально-плоскокартонны, но полнокровны и драматургически интересны. И вот это плотное соединение жизни и художественного вымысла сыграть подчас сложно, особенно если принять в расчет то, что драматургия сегодняшнего дня, в фокус которой попадают наши современники, как правило, почему-то отдает предпочтение маргиналам.

А у А. Мардана нормальные люди в нормальных — далеко не всегда пограничных ситуациях. Вроде бы, все на поверхности, но простота эта обманчива. Ведь куда проще, оказывается, существовать на сцене, когда страсти в ключах, высказывания и отношения форсированы, чем тогда, когда интонации близки чеховским, речь идет о любви или ее отсутствии, а нередко просто о бытовых вещах, когда играть надо то, что не кричится, но произносится спокойно, с внутренним, а не внешним напряжением. Когда персонажи изыскиваются на нормальном языке, а не на модном в современной драматургии с магнитофонно-документальной точностью воспроизведенном молодежном или уличном сленге, полученном в литературе и театре брендовое обозначение — вербатим.

Мне лично драматургия А. Мардана импонирует еще и тем, что отсылает читателя и зрите-

ля к почти забытым временам, которые на манер зачина древнеиндейского мифа можно охарактеризовать: "Это было тогда, когда культура была способна передвигаться, не опираясь на чужие тексты". Мардань — демонстративно непостмодернистичен, и это стало его "фирменным" отличительным знаком.

Свой новый сезон Одесский русский театр открыл спектаклем "Девочки" по пьесе А. Мардана. "Девочки", что не совсем обычно, имели две премьеры: за несколько недель до официального открытия сезона в Одессе состоялся традиционный фестиваль русских театров (его организаторами являются директор театра А. Копайгора и автор "Девочек" А. Мардань). Фестиваль "засветил" предстоящую премьеру, а затем уже были показаны "Девочки", так сказать, в официальном порядке. Я упоминаю об этом по той лишь причине, что показ фестивальный и премьера, открывшая его репертуарный прокат, выглядели по-разному. За несколько недель "Девочки" претерпели изменения, на которые можно было бы не обращать внимания, если бы они не имели концептуального характера.

Следует отметить, что пьеса Мардана в авторской редакции называлась "Дочки-матери". Впрочем, подобная смена названий в порядке вещей, ибо драматург и театр создают два дискурса, подчас значительно друг от друга отличающихся. Вот и в данном случае сценическая интерпретация не была аутентичной по отношению к тому, что замыслил автор пьесы. Прежде всего, режиссер А. Литвин, как мне показалось, несколько изменил жанровую определенность того события в жизни двух женщин, которое описал А. Мардань, обозначивший события своего литературного текста на грани оксюморона как "смешную трагедию".

Две представительницы первой древнейшей профессии, появившейся намного раньше журналистики, угождая эротическим фантазиям клиента, разыгрывают отношения матери и дочери. Одновременно ублажающих гостя в постели. Таков вот фантазия: кто платит, тот, соответственно, и сценарий заказывает. По замыслу драматурга, персонажи попадают в невероятные ситуации: фантомный, как гоголевский ревизор из Петербурга, сексуальный забавник якобы умирает, оставляя героиню один на один с проблемой выноса тела из квартиры, затем "оживает", при этом перед зрителями не появляясь.

В славянских архаических культурах весьма популярной была обрядовая игра в покойника, или "умруна", в которой главным действующим лицом был хтонический персонаж — мнимый умерший, впоследствии "оживавший". Аналогичную игру, правда, лишенную ритуальных корней, затеял А. Мардань со своими персонажами и, конечно, со зрителями. Я не столько о самой любовной игре, в которой, кстати, расписаны ролевые дочерне-материнские отношения, сколько о ее подготовке, так сказать, застольном репетиционном периоде, когда выясняются характеры персонажей, экспозиция, определяются конфликтные ситуации, способы их разрешения и, естественно, финал. Игровое содержание ситуации усугубляется тем, что все задуманное в один прекрасный момент разрушается, замысел героини мгновенно разваливается, превращая их из постановщиков спектакля в марионеток, ведомых непонятным "покойником".

Постановщик в фестивальном варианте во многом лишил авторский замысел фарсового характера, переведя ситуацию в ракурс многозначительной серьезности с финалом, напоминающим эпизод из фильма ужасов.

Леденящий душу стук в дверь, венчающий спектакль: это и реализация идеи незавершенности, и нечто такое, что оставляет зрителя в напряженном неведении. Безусловно, все привнесенное А. Литвиным в сценическую реализацию пьесы нагнетает интригу (кто за дверью: оживший непостижимым образом клиент или пришедший на разборку со своими подопечными сутенер?), но лишает первоначальный текст обаятельной легкости и присутствующего у драматурга откровенного игрового начала, которого столь не хватает современному театру.

Уже на премьере, предвещающей открытие сезона, спектакль претерпел важные доработки, в частности, постановщик А. Литвин изменил финал, который стал выглядеть таким, каким его написал А. Мардань, что заметно сблизило жанровую природу двух текстов — драматургического и сценического.

Наиболее интересным в очередной премьере Русского театра мне показался диалог драматурга и режиссера, очевидно продемонстрировавший всю гамму творческих коллизий, складывающихся в процессе создания спектакля между этими двумя главными фигурантами театрального процесса. Что до исполнителей, то Т. Маркова и Т. Коновалова вполне адаптировались в пространстве двух текстов — А. Мардана и А. Литвина. Впрочем, было и третье пространство — оно создано художником-постановщиком Г. Фаером — неброское, на вид почти киношная выгородка, но в целом и оно не разрушало того, что принято называть атмосферой спектакля.

Сегодня Русский театр приступает к репетициям еще одной пьесы А. Мардана, что свидетельствует, как мне кажется, о том, что созданные драматургом произведения для сцены пришлились весьма по вкусу заполняющим зал героям его же драматических сюжетов, живущим в "большом городе, жители которого говорят по-русски". Угадать, в каком, — не составляет труда.

Анатолий БАКАНУРСКИЙ,
доктор искусствоведения.

Мария ГУДЫМА

ТАНЦУЙ, ПОКА МОЛОДОЙ, или Называйте нас би-боями!

Когда ребят из команды брейк-дэнса "TriX" спрашивают, какое выступление было самым экстремальным, они вспоминают визит в женскую колонию. Жутковатую атмосферу, в которой выступали перед осужденными женщинами эти молодые, красивые, физически развитые ребята. Бурную овацию в конце концерта и приглашение приехать еще раз, но уже на Восьмое марта и с ночевкой. Я бы не советовала... Особенно остро воспринимаются женской аудиторией, как ни парадоксально, комические театрализованные номера в балетных пачках и оденках с бабюшкиного плеча. В номере "Пионеры" ребята столь выразительно управляют с красными галстуками (для них это не такой уж символ чего-то там высокого и священного), что в зале начинается визг... А еще есть в репертуаре танец бомжей, размахивающих реликвовыми авосками, которые чудом удалось разыскать. А вот вариации на тему сериала "Бригада", где приходится артикулировать (кстати, очень артистично!) под сакраментальные реплики Саши Белого и Пчелы. Но главное, конечно, заключено в самом танце. У ребят хореографическое мышление, сказывается выучка, полученная в процессе профессиональных занятий балльными танцами. Их искусство оптимистично, полетно, и потому заряжает энергией. Трудно представить себе такие танцы в исполнении зрелых людей. Чтобы исполнять их, нужно быть молодым...

Почему они называют себя командой? Чтобы это понять, следует немного углубиться в историю жанра. Для молодых людей по-прежнему самый простой и действенный способ заполнить социальный вакуум — объединиться с себе подобными. В процессе объединения молодежь образует субкультуры, отращивая ее ценности, нормы и предпочтения наиболее полно. В конце семидесятых в Бронксе,

одном из районов Нью-Йорка, появилась изначально криминализованная, трущобная, уличная хип-хоп-культура, основанная на карибских мотивах и механистической пластике, быстро разделившаяся на брейк-дэнс и рэп. С начала восьмидесятых танцоров, исполняющих брейк-дэнс, называют би-боями (буква "b" означает "beat", то есть удар, ритм, — либо "break-beat"). Считается, что на отечественных просторах брейк-дэнс как уникальный танец, сочетающий падение с элементами вращения и акробатики, появился лет десять назад. На самом деле в Одессе им увлеклись еще в восьмидесятых так называвшиеся тогда "брейкеры", демонстрировавшие чудеса "верхнего" и "нижнего" брейка прямо на Дерибасовской, не говоря уже о дискотеках. Говорят, подобные танцы были популярными среди одесской молодежи и ранее, но речь сейчас не об этом...

Сейчас мы сидим в "Макдональдсе", пьем кто колу, кто эспрессо, и знакомимся. Слева от меня сидит Илья Федоров, он же Элвис. Напротив — Виталий Федив (Твист), Антон Киба (Фокс) и помогающий им в одном из номеров Вадим Штемпель. По понятным причинам псевдонимы к Штемпелю не прилипают, вполне достаточно собственное фамилии. Моим собеседникам от двадцати до двадцати двух, выглядят они весьма живописно ("Имидж би-боя" — с гордостью поясняет Штемпель). Все вместе они — команда "TriX", но не возражают, когда это название пишут как ЗХ или даже "Трикс". Элвис учится на культурологическом факультете в ОНУ имени Мечникова, Твист окончил автодорожный техникум, Штемпель — автодорожное училище, а Фокс приобретает специальность архитектора. Молодежная субкультура — это всегда выражение некоего протеста, и сегодняшним молодым скучно ходить на службу изо дня в день, как их роди-

тели, бабушки и дедушки, попутно наживая сколиоз, гиподинамию и прочие прелести сидячего образа жизни. У них — движение, у них — творчество, к тому же востребованное временем и публикой. Объединившись в команду, ребята решили съездить в Китай — поработать, себя показать. На людей посмотреть. Их семья, конечно, протестовали, но разве удержишь?

— Работали на корабле "Киев-075", это военный авианосец, списанный. Его китайцы выкупили и устроили там что-то вроде музея, где стоит военная техника, ракеты, ходят посетители — китайцам почему-то это нравится. А мы вели культурную программу для посетителей. Собиралось там до тысячи человек по три раза в день, — рассказывает Элвис. — Трудно было как физически, так и морально. Но ведь чем больше количество зрителей ты отдаешь свою энергию, тем быстрее она у тебя восстанавливается, это честный обмен... Надо только суметь преодолеть момент слабости, когда кажется, что ты уже совер-

шенно выдохся. Работали мы в Пекине, а отдыхали в Бангкоке — это уже другая страна, Таиланд. И так прошло полгода. Психологически особенно трудно пришлось в первые три месяца, к тому же выходных дней почти не было.

Как оказалось, китайские би-бои (во всяком случае, по впечатлениям наших) успешно и скрупулезно копируют западные образцы жанра. Так что почерпнуть у них особенно нечего. Одеситы же на недостаток творческих идей не жалуются. На выступлениях, как правило, все отретепировано, место для импровизации может найтись только иногда, чтобы заменить ту или иную комбинацию во время сольного выхода. Но и в этом случае надо строго уложиться в определенный отрезок времени, так как брейкинг — это все-таки, прежде всего схема, и схема тщательно выверенная.

После поездки в Китай команда, что называется, выросла в цене и ощутила преимущества, которые принес возросший рейтинг. Теперь главное — не остановиться в развитии. Ребята сами ищут себе работу по клубам, выступают на корпоративных вечеринках и городских мероприятиях. Считается, что за полтора года своего существования "TriX" показал хорошую динамику роста мастерства, ведь можно танцевать в команде и пять лет, и больше, без особого резонанса...

Родители, пережив шок после полугодового пребывания своих крошечных в Китае, поняли, насколько все серьезно и как необходима их помощь. Только силами одних лишь пап и мам всех проблем не решить. Конечно же, в канун Нового года ребята загадывали какие-то сокровенные желания, но было и желание общее: добиться как можно большего признания. Тем более, сделано для этого уже немало. В идеале хотелось бы устроить сольный шоу.

— Мы не можем сегодня позволить себе снять зал, — перечисляет

Илья, — взять напрокат светотехнику, нанять грамотных людей, которые бы обеспечили всю техническую часть представления. На бумаге уже расписано все до мелочей, вся полуторачасовая программа... А вот финансовая основа для ее воплощения пока нет.

Костюмы и даже парики, как правило, ребята и выдумывают, и шьют сами. Своего продюсера пока не имеют, на поддержку со стороны властей особо не надеются. Власти пытаются взять под свое крыло молодежную субкультуру, но пока еще тут многое просто не срабатывает. Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, опекающий "TriX", помог съездить на Первый Всеукраинский фестиваль искусств "Киевская студенческая весна — 2006" — в итоге ребята получили Гран-при, ни больше ни меньше. То есть в стране они — лучшие! Сделали Одессе дополнительную рекламу.

— Мне кажется, многие люди, от которых зависит организация шоу, не разбираются в том, что действительно заводит публику, от чего у сидящих в зале загораются глаза, — подытоживает Твист. — Обнаженные девушки на сцене — это, конечно, тоже красиво, но искусство еще никто не отменял. А мы свою аудиторию чувствуем. Знаем, в чем сильные и оригинальны.

Как ни банально это звучит, но со сцены как-то виднее, важную роль играет все тот же энергетический обмен между выступающими и залом. Осознать ценность того, что тебе удается делать, можно на дружеских встречах би-боев (джемах), тем более на соревнованиях (баттлах). И все-таки очень хочется пожелать им встретить того, кто поможет сделать впечатляющее шоу для широкой публики! Причем как можно скорее, ведь времени у них на самом деле не так много, и кому как не взрослым следует это понимать...

Фото Олега Владимировского.

Виктория ФЕДЧЕНКО

ЕВГЕНИЙ ЮХНОВЕЦ —

такой же, как и все,
но не такой, как многие

Роль Хлестакова в спектакле "Ревизор" Украинского академического музыкально-драматического театра им. В. Василько помогла раскрыть талантливого актера. Режиссер-постановщик киевлянин Юрий Одинокий очень рисковал, взяв в работу еще не "засветившегося" на местных подмостках Евгения Юхновеца, но как оказалось — не ошибся. Его дарование требовало огранки, ждало того образа, в котором могло бы предстать на зрительский суд и безоговорочно завоевать его симпатии. Главный герой комедии Гоголя был интерпретирован настолько, что некоторые воспринимали: "Разве можно так с классикой?". Но получилось, что даже крайне необходимо. Ведь без открытия новых смыслов и расширения рамок образа, предложенных Юрием Одиноким, вряд ли получилась бы такая оригинальная роль, одним из исполнителей которой стал актер театра им. Василько Евгений Юхновец. Сам он считает, что она помогла ему почувствовать свои силы и обратить внимание коллег и зрителей. Это был своего рода переломный момент, когда не просто чувствуешь, а знаешь, что с этим ты справишься.

Первой сценической постановкой, в которой сыграл Евгений Юхновец, стал школьный спектакль "Недоросль" Фонвизина, поставленный в шестом классе учителем русского языка и литературы.

"До чего же было приятно мне, еще ребенку, когда ко мне подходили преподаватели, одноклассники и искренне хвалили мою работу (роль слуги Тришки), — признается актер. — Потом стало еще интереснее: я попал в театральную кружок при Дворце пионеров. Долго сидел в углу, наблюдая за другими, а потом вдруг откуда-то появилась активность, стал участвовать в постановочных выступлениях. Так я приближался к миру театра все ближе и ближе. Многому научился в лицее под руководством Падуки. Этот человек помог мне познакомиться с азами, важными для каждого актера, подарил ощущение театра на уровне эмоции. Мы выполняли психофизические упражнения, этюды на внимание. Эти занятия серьезно помогли мне избавиться от так называемых "зажимов". Рядом со мной учились ребята, которые были старше меня на три-пять лет, но мы отлично ладили, так как впереди у нас была общая цель."

Спустя какое-то время из телевизионной рекламы мы с другом узнали о том, что при киностудии открывается школа актерского мастерства, и решили попробовать свои силы. Помню, на первую встречу, где проводился отбор учащихся, пришло очень много желающих. Но тогда меня это не испугало, так как к тому моменту у меня был небольшой опыт школьных и лицейских постановок, благодаря чему я знал о театре немного больше чем другие. Кроме того, чувствовал в себе силы и был уверен, что меня возьмут, а это очень часто и является определяющим во многих жизненных ситуациях".

На молодого талантливого юношу обратили внимание. Последующие три с половиной года были незабываемыми. В тот период открытий и начинаний мир театра тонким ручейком вливался в души, объединяя их в одну многоголосую симфонию великого искусства. В актерской школе при киностудии преподавали кинорежиссер детских кинофильмов Валентин Козачков (актерское мастерство), Алексей Агапян, обучавший сценическому движению. Были и другие, которые, приоткрыв завесу закулисья, обучали молодых тонкостям актерского ремесла. Завершающим этапом обучения стал спектакль "Обыкновенное чудо", в котором Евгений Юхновец сыграл Министра-администратора. Постановщик Игорь Равицкий, около года возглавлявший актерскую школу и преподававший в ней мастерство актера, был крайне им доволен. После окончания спектакля он подошел к ученику и заговорщическим голосом сообщил, что собирается пригласить его и нескольких других ребят-участников на работу в Украинский театр. С этими словами все приобретало новый смысл. Голова шла кругом, и казалось, мечта осуществилась, — он станет профессиональным актером, будет играть в настоящем театре.

Но прежде чем заслужить право на главные роли, Евгений Юхновец сыграл немало эпизодических. Большой опыт приобрел с главной ролью в детском спектакле "Проделки озорника" (пост. К. Пивоварова). Оказалось, для того чтобы понравиться зрителю-ребенку, нужно работать несколько иначе. Разница в качестве трюков. Все должно быть ярко, оптимистично, как в настоящей сказке, и главное, правдоподобно. "Не бывает ролей неинтересных, — рассказывает Евгений. — Кто так говорит, не любит театр по настоящему. Я рад любой роли — положительная она или отрицательная. Многие молодые актеры ошибочно думают, что настоящие таланты и профессионалы не играют второстепенных или эпизодических ролей. Но это не так. Вспомните хотя бы такого известного киноактера, как Савелий Крамаров. Многие фильмы запомнились, в том числе благодаря его эпизодическому участию, а произнесенные им фразы стали крылатыми. Таким образом, от уровня исполнения небольших второстепенных ролей зависит качество всей постановки". Подарком фортуны для Евгения Юхновеца стала роль Хлестакова, ставшая важной ступенькой в творческом развитии актера. После нее были другие яркие образы: Челядинец в "Эдипе" (реж. Д. Богомазов, г. Киев), ремесленник Френсис Дудка (Тисба в интермедии) в комедии по В. Шекспирову "Сон в летнюю ночь" (реж. В. Туманов), Эйлиф в спектакле "Кураж" по Брехту (реж. И. Равицкий), роли Мужа, Второго любовника, Философа, Петуха в любовном вертепе "Украинский Декамерон" КЛИМА (реж. Вл. Троицкий, г. Киев) и др.

В театр приезжали киевские режиссеры, каждый со своим видением и философией. Среди них — Юрий Одинокий, Дмитрий Богомазов и Влад Троицкий. Эти встречи были своего рода откровениями для актеров, нарушали их привычный ритм жизни. "Мне очень нравилось, что в этих встречах не было обыденности, они заставляли нас, актеров, думать, — рассказывает Евгений. — Ведь часто работа накладывает отпечаток, привыкаешь, играешь механически. Они помогли многим из нас понять, что нужно избегать стереотипов, находить в роли что-то свое, идейно новое и глубокое. Я стараюсь никогда не забывать об этом и стремлюсь к тому, чтобы в со-творчестве "режиссер — актер" передавался смысл, способный затронуть душу каждого сидящего в зале".

Если назвать широкой публикой не только определенную группу театраловых завсегдатаев, а тех многочисленных людей, в том числе и молодежи, которые далеко не всегда интересуются тем, кто перед ними играет, то имя Евгения Юхновеца стало известно благодаря антрепризе — очередной постановке Юрия Одинокого "Ladies' night", скорее похожей на феерическое шоу. Уже после дюжины сыгранных спектаклей у актеров (помимо Юхновеца в постановке участвовали Я. Кучеревский, А. Скарга и другие) появилось немало поклонников, в большинстве своем представительниц прекрасного пола. "Приятно осознавать, — говорит Юхновец, — что все они не просто приходят в театр, чтобы приятно провести вечер, а всесторонне интересуются им, актерами, тем, в каких спектаклях они участвуют, обсуждают между собой, в том числе и на форумах, понравились моменты. Редко встречается критика, но и ее мы с моими друзьями-актерами принимаем с благодарностью".

После нескольких удачных ролей в Украинском, киевских гастролей с антрепризным спектаклем, поздравлений поклонниц с цветами — самое время заболеть звездной болезнью. Но зачем засорять свой талант всякой заразой, если можно всецело посвятить себя работе? Желания Юхновеца не подвели. В последней постановке родного театра — "Соло для часов с боем" — он был очень естественен, уверенно играл юнца Павла, чье сердце наполнено любовью и смятением от неуверенности в завтрашнем дне. Накануне премьеры спектакля режиссер-постановщик Игорь Равицкий охарактеризовал актера, которого в свое время самолично пригласил в театр, так: "За десять лет он вырос в яркую творческую личность, стал очень органичным. Если раньше на сцене он был таким себе "инфантильным мальчиком", то сегодня ему под силу более глубокие роли. В чем-то он напоминает мне по темпераменту Евгения Миронова. Но, как и любому актеру, ему важно не останавливаться, а целенаправленно работать над собой. И он, мне кажется, готов к этому".

Немало ролей выпадает на долю актеров. Какие-то более удачные, какие-то менее. Но нам, зрителям, у которых этот талантливый актер вызывает глубокую симпатию, хотелось бы увидеть их как можно больше. И в скором будущем, надеемся, посчастливится увидеть одну из них. Сейчас Евгений Юхновец репетирует роль Доранта в комедии Ж.-Б. Мольера "Мещанин во дворянстве" (реж. Е. Курман, г. Киев). Что это будет за образ, пока сказать сложно, но хотелось бы, чтобы, как и предыдущие, он отличался неоднозначностью и помог открыть новые грани таланта молодого и перспективного актера.

Фотографии Олега Владимировского.

Родион ФЕДЕНЕВ

ПОДАРИМ ГОРОДУ ОДЕССКИЙ ЧЕХОВСКИЙ ВИШНЕВЫЙ САД

Писатель и драматург Родион Феденев рассказывает о своем проекте чеховского вишневого сада в Одессе

САД

Сад этот был в имении, что располагалось в Одессе на ул. Торговой, 1. (Там, где теперь магазин "Медтехника" и ресторан-бар "Ошн-Тошн".) Кстати говоря, до оползневых явлений он имел адрес Торговая угол Приморской. Но после большого оползня улица Приморская оказалась за обрывом далеко внизу.

Вот краткая история этого имения, в котором был и сад, и огороды. В 1836 г. Одесский строительный комитет рассматривал заявление "Об отводе места под застройку Ирине Жеребцовой". В 1837 г. рассматривался чертеж "фасада для постройки дома Жеребцовой в 3 части во вновь прибавленном к бульвару 1 квартала № 9". Совершается покупка земли. Купчая подписана и городским головой Левшиным. Это небольшой участок всего в 150 кв. метров (данные из Областного архива, фонд 59).

Но к 1900 г., когда приемная дочь Жеребцовой Ольга Васильева унаследовала усадьбу по ул. Торговой, 1, площадь имения уже составляла 2439 кв. саженей (более 5 тысяч кв. метров; см. справочник Лисянского Л.А. "Вся Одесса"). Такого второго громадного имения на улице Торговой не было. Известные в Одессе богачи Гросул-Толстой по Торговой ул., № 3, имел всего 394 кв. сажени, а Санценбахер при доме № 21 — 1554 кв. сажени.

ВЛАДЕЛИЦА ВИШНЕВОГО САДА

Ольга Родионовна Васильева, приемная дочь богатой одесской помещицы О.Н. Жеребцовой, в 1900 г. унаследовала от нее все ее состояние (усадьбы в Швейцарии, Смоленской губернии, в Одессе). Несколькими годами ранее Ольга Васильева познакомилась в Ницце и подружилась с Чеховым. Она переводила на английский язык его рассказы, пьесу "Дядя Ваня". Рассказ "Егер" напечатала в Лондоне в журнале "Нью-Эйдж". Именно она стала прототипом героини знаменитой новеллы Чехова "Невеста". Она, по примеру Чехова, посылала сотни книг в библиотеку его родного Таганрога. Воспитывала двух сирот, которых и Чехов называл своими дочерьми. Издала сборник в помощь голодающим. С Чеховым встречалась в Москве, Ницце, Ялте. Они дружили до конца его дней — до 1904 г. Сохранилось ее 97 писем Чехову. И более 48 — его к ней.

ПИСЬМО ИЗ НЕАПОЛЯ

В 1901 г. Ольга Родионовна писала Чехову из Неаполя: "А еще — мне хочется нынче продать одесский мой дом — как для больницы понадобятся деньги, так и самой мне нужны будут — я выкупаю у сестры ее половину дома в Женеве. Прошу Вас — поручите кому-нибудь эту продажу...". (Она решила передать 120 тысяч от продажи вишневого сада на строительство больницы.)

В ответ 4 (17) февраля 1901 г. Чехов пишет: "Многоуважаемая Ольга Родионовна, я в Риме. Из Неаполя сюда прислали мне два Ваши

письма, большое Вам спасибо. Очень возможно, что одесское Ваше имение стоит 200 тысяч. Только Вы не торопитесь, будьте хладнокровны, успеете продать. Я буду в Одессе проездом, наведу там справки и буду писать Вам, и, быть может, отыщется там, в Одессе, какой-нибудь знающий человек, который скажет, сколько стоит Ваше имение, и который научит, как Вам продать его выгоднее. Во всяком случае, не торопитесь. Деньги по продаже пошлете в Москву проф. Поспелову или московскому городскому голове — это смотря как научат нас знающие люди..."

Как известно по документам, Чехов побывал в Одессе, осмотрел имение Васильевой на Торговой, 1, наводил справки, встречался с редактором "Одесских новостей", маклером. По поводу продажи имения с вишневым садом завязалась переписка с властями, врачами, одесской Думой.

ФЕНОМЕН

В 1903 г. Чехов написал всемирно известную пьесу "Вишневый сад", в которой отображается и реальная одесская история продажи усадьбы О.Р. Васильевой. Сама Ольга Родионовна в пьесе выведена в образе дочери Раневской Ани, а ее старый управляющий Василий Лукашов — в образе Фирса. В одном из писем Ольга Васильева сообщает Чехову: "А я над Парижем на воздушном шаре летала". Как известно, именно с этими словами в пьесе "Вишневый сад" появляется Аня. В другом письме Васильева советует с Чеховым о дальнейшей судьбе своего управляющего: что с ним будет после продажи имения, какую ему назначить пенсию. Да и открытый характер, жажда деятельности, целеустремленность Васильевой стали основой чеховского персонажа. Чехов написал пьесу и отослал единственный экземпляр Станиславскому в Москву, а уже через две недели Васильева из Женевы сообщила Антону Павловичу: "Сейчас окунулась в Ваш "Вишневый сад"...". Она посмотрела и спектакль в Москве и решила отложить продажу своего одесского имения, не отдавать вишневый сад под топор. Свою громадную усадьбу Ольга Васильева продала только в 1909 г. М.И. Синицину. К этому времени она вышла замуж и взяла двойную фамилию Васильева-Милеант.

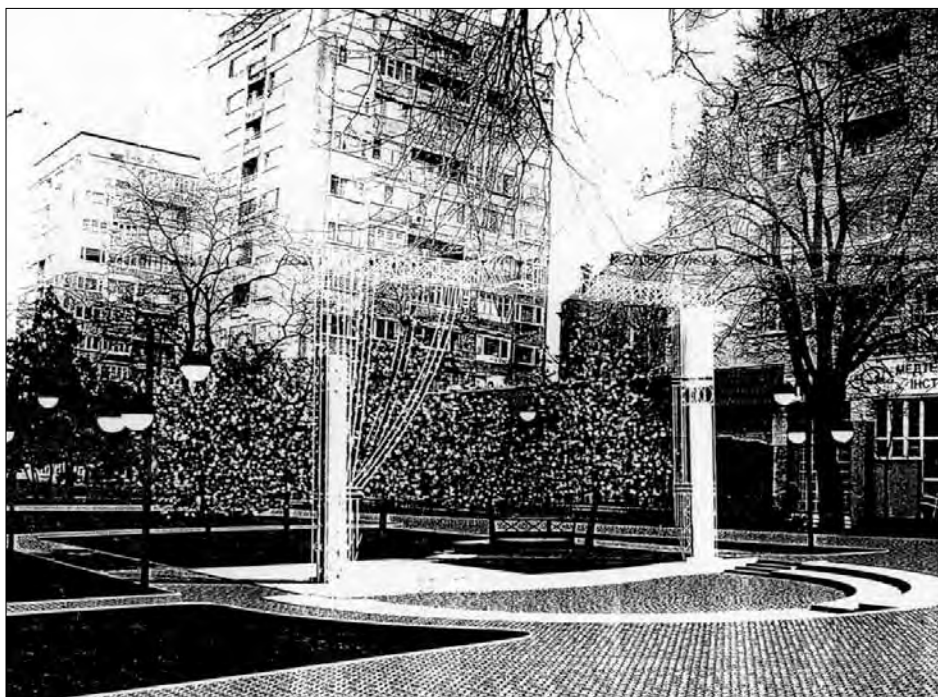
По свидетельству очевидцев и документов, после 1917 года усадьба с вишневым садом пришла в упадок. Сад, дом, флигеля, конюшни, все постройки обветшали и были разрушены... После 1945 г. усадьба с вишневым садом превратилась в мусорник и была окончательно снесена.

В наше время тут образовался бульвар Искусств с невзрачной хрущобой Дома художников, магазином "Медтехника" и рестораном "Ошн-Тошн" во главе.

Но в наши дни нет в мире культурной страны, в которой бы на сценических подмостках не шла пьеса "Вишневый сад". Она идет на всех континентах, в Венесуэле и Корее, в Канаде и Японии. Феномен "Вишневого сада" вот уже более ста лет олицетворяет взаимосвязь и противоречия новых и старых времен.

Но начинался этот феномен в Одессе.

Мой проект предусматривает несколько основных действий. К ним относится высадка вишневых деревьев на пустующем газоне, где сто лет назад был вишневый сад, установка памятного знака, издание книги, посвященной истории этого памятного и знаменательного во всех отношениях уголка

Одессы. Книга подготовлена к печати на русском и английском языках. Проект предусматривает устройство культурного центра и кафе "Вишневый сад" на пустующем склоне, который ведет к Приморской улице. Обозначена комиссия в составе профессора Одесского национального университета В.И. Силантьевой, филолога, переводчицы при ООН Сары Моос, писателя и драматурга Р.К. Феденева, директора Литературного музея Т.И. Липтуги, зам. редактора газеты "Вечерняя Одесса" Л.А. Гифрих, драматурга А. Мардаря, директора Одесского русского театра А. Копайгори, директора Музея Паустовского В.И. Глушакова.

Дело за малым. За вниманием к нашей истории и средствами. И мы вновь подтвердим аксиому: в каждом знаменательном или великом событии всегда есть следы Одессы.

СУДЬБА

Конечно же, меня интересовала дальнейшая судьба Ольги Васильевой. Самозабвенно влюбленная в Чехова, она хотела посвятить ему свою жизнь. Она писала Антону Павловичу об этом. Когда узнала, что Чехов женится на Книппер, никого не хотела видеть, морила себя голодом, потеряла смысл жизни, была близка к самоубийству. Жена Чехова Ольга Книппер писала Антону Павловичу о Васильевой в это время: "Я ее понимаю...". Но... Ольге Васильевой было девятнадцать! Молодость взяла свое. У нее начался роман с двадцатитрехлетним Леоном Милеантом.

До сих пор в чеховедении судьба Ольги Васильевой оставалась неизвестной. В поисках сведений о ней неоценимую помощь оказала член нашей комиссии, переводчица при отделе ООН в Женеве, англичанка Сара Моос. Когда она была в Одессе, то выяснилось, что она жила в Женеве в районе улицы Милеант. А это, как известно, фамилия Васильевой в замужестве. Сразу скажу, что отношение названия улицы к личности Васильевой пока нами не выяснено. Но что касается мужа Ольги Васильевой, то обнаружены печальные, если не роковые обстоятельства.

Он родился в 1878 году в Крыму, в селении Милеантовка в бедной семье обрусевших греков. В Одессе он познакомился с Ольгой Васильевой, и в их отношениях продолжилась романтика века девятнадцатого: он и Ольга от опеки родных Ольги тайно бежали из Одессы за границу. Там поженились. В конце 1904 года они устроились близ Женевы, где у Ольги имелось красивейшее имение Шато де Шарми. В 1910-м, после продажи одесского имения, Леон Милеант, Ольга и четверо детей, взятых ими на воспитание, переехали в Ниццу. Леон купил под Ниццей огромный участок земли в местности Фаброн. Леон стал именовать графом Леоном Милеантом. Он был разорительно щедр, прославился как добродетель. К тому же он был необузданным весельчаком и закоренелым игроком. Растратив богатства жены, он жил займами, его преследовали кредиторы. Потеряв имение под Ниццей, в 1917-м они вернулись в Женеву, а через год пришлось продать и замок Шато де Шарми. Разорившись, Милеанты переехали в третьеразрядную гостиницу, где Ольга Васильева умерла 16 февраля 1919 года.

Граф Милеант бросил усыновленных детей и сошелся с натурализованной швейцаркой немецкого происхождения Ирмой Шротбергер. По мнению полиции, она уже давно была его любовницей, а с 1914 года содержала публичный дом, ее подозревали в шпионаже и в пользу Германии и большевиков. Ее арестовали, но судебное дело не состоялось. Милеант женился на ней в Лондоне, на ее деньги выкупил Шато де Фаброн возле Ниццы, расширил имение, украсил замок дорогим мрамором, продал его и приобрел роскошную виллу Вихе у знаменитой певицы Софи Кувелли. Граф стал организатором музыкальных и культурных европейских вечеров, но высший свет его сторонился: он был под постоянным надзором полиции. Там считали, что его жизненная установка еще в юности сложилась в девиз: ничего не делать, но жить богато. А для этого есть один простой способ: жить за счет богатых наследников. Так в его сети попала несчастная Ольга Васильева.

ПУБЛИКАЦИЯ

Юрий ОЛЕША

З И М А

Я целый день брожу по городу,
Теперь он инеем покрыт —

Январь серебряную бороду
Развевал по небу и спит...
Под вечер встанет над туманами
Из старой сказки Рубецаль
И даль с чертогами стеклянными
Окрасит в синюю эмаль...
Потом рассыпет гололедица
По тротуарам серебро.

И месяц в холоде засветится,
Печальный, бледный, как Пьеро...
Пускай туман над морем стелется —
Я храм воздвиг среди снегов,
И даже злобная метелица
Не заметет к нему следов.

(Мал. од. листок.
1917. 6 янв.)

ПАМЯТИ БОРИСА КУКЛОВА

"Человеком с крылышками" и своим сорежиссером. А как вдохновенно он слушал каждый концерт, ни одного не пропуская, записывая все, что было потом совершенствовать. Как талантливо любил он свою Леночку! Многие еще хотелось бы сказать о Борисе Степановиче. Это и понятно, ведь рядом с ним, в ауре его светлого негромкого обаяния, жизнь становилась добрее и теплее. Но земное бытие — штука конечная, память гораздо долговечнее, она остается с нами.

Наталья ПОЛИЩУК.

Из жизни ушел Борис Степанович Куклов — светлый, добрый, интеллигентный человек, Врач от Бога, кандидат медицинских наук, автор более 100 научных трудов, спасший сотни и сотни людей. Я знаю и люблю его всю свою жизнь — он был другом моего отца еще со времен оккупации Одессы, которую они вместе мальчишками и пережили. Я хочу рассказать об этом человеке тем, кто его знал, — чтобы еще раз вместе вспомнить. И тем, кто не имел радости общения с ним, — может, "в мире больном и выморочном" это в какой-то степени поможет им вернуть веру в Человека.

Он и его супруга актриса Елена Куклова никогда не жили без друзей. Друзья становились пациентами, а пациенты — друзьями. В их хлебосольный дом люди попадали раз и навсегда, но не только хлебосольство собирало вокруг них друзей. Здесь было всегда необычно и очень интересно. В этом доме я познакомилась с песнями Б. Окуджавы и В. Высоцкого, балладами

А. Галича, здесь впервые услышала стихи Марины Цветаевой... Это все очень щедро дарилось не только в переносном, но и в прямом смысле — немедленно переписывалось на магнитофон или от руки и уже становилось твоим. Стихи здесь читались часами, и не только чтицей Еленой Кукловой. Здесь вдохновенно читал свои стихи мой отец — поэт, журналист, адвокат Сергей Полищук.

Борис Степанович умел, любил делать друзьям праздник. Иногда даже подвергая себя при этом серьезному риску.

Конец 1970-х годов. Эпоха застоя. Стихи С. Полищука, острые и едкие до язвительности, не публикует ни одно издание. Один за другим идут процессы над диссидентами и "антисоветчиками", несколько листов со стихами "самиздата" стоили свободы Василию Барладу, которого мой отец защищал в суде. И в это страшное время Борис Степанович берет у отца рукописи его стихов, а на день рождения приносит 20 готовых переплетенных

книг — размножил у себя в НИИ труда! Как же оба они радовались тогда этой еще не "всамделишной" книжке! И как все-таки опасались лишний раз даже показать ее кому-то...

Казалось, не было ничего, что могло бы оставить Бориса Степановича равнодушным, начиная от болезней друзей, их близких и дальних родственников, знакомых и знакомых знакомых. Он изобрел такие лекарства, которые заживляли раны и трофические язвы, известным только одному ему способом без операционного вмешательства спасал молодых мам от мастита.

В 1980 году отца прооперировали в московской клинике по поводу рака легких. В ту же ночь я попала на операцию аппендицита. Мама в Москве, ко мне в больницу ходят друзья. Связи у нас никакой. И вдруг открывается дверь моей палаты и заходит Борис Степанович с магнитофоном — он записал для меня разговор с мамой!!! И так — через день: Леночка с супчиком, Борис Степанович с кассетой! А па-

пу к этому времени прооперировали еще дважды, он в реанимации, и шов у него не закрывается. Тогда Борис Степанович впервые на моей памяти повысил голос и категорически потребовал, чтобы мама везла отца домой. Выписали под расписку с раскрытым 20-сантиметровым швом. Как мама везла его сутки в поезде — другой рассказ, но как только он вошел в квартиру, им занялся Доктор Куклов. На второй день шов начал затягиваться, на пятый — полностью закрылся. Папа прожил после этого 15 лет...

Творческим человеком Борис Степанович был не только в медицине. С каким интересом и энтузиазмом он принимал участие в подготовке программ своей жены! Они вместе ездили искать сестру Марины Цветаевой Анастасию, нашли, общались с ней, привезли бесценные записи этих бесед. Блестящие программы Е. Кукловой о Цветаевой актуальны и выразительны уже более 30 лет. Режиссер Кукловой Зинаида Дьяконова называла Бориса Степановича

ДРУЗЬЯМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Белла ЕЗЕРСКАЯ НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Мощный импульс пришел из Одессы. Приехали Кукловы и привезли кучу новостей, писем, книг, приветов.

А еще говорят, что чудес не бывает. Но разве не чудо, что мы снова встретились? Ведь тогда отъезд был, как смерть. Навсегда. Они уплывали вместе с перроном все дальше и дальше. В никуда. Или это мы уезжали в никуда? Колеса выстукивали: "Никогда, никогда". Слезы застилали глаза. Расставались мы мучительно. Наша дружба не успела себя изжить. "Уж лучше бы мы поссорились, — сказала как-то Лена, — легче было бы". Мы жили на одной улице, с одними интересами, встречались часто, благо поводов хватало. Боря, кандидат медицинских наук, был страстным книголюбом и меломаном. Он коллекционировал записи бардов. Лучшие часы мы с мужем провели на их стареньком диване, не слушая, нет, — внимая тогда еще полузапрещенным Окуджаве, Высоцкому, Галичу. Это был прорыв в новый — неизвестный и волнующий мир. Это были годы нашего гражданского мужания. Я с грустью думаю, что такого всепоглощающего восприятия поэтического слова, как в те годы, такой абсолютной отдачи в нашей жизни уже не будет. Боря привозил новые записи из дальних и ближних командировок, покупал, обменивал — по этой части он был виртуоз. Их комната от пола до потолка была завалена книгами, газетами, кассетами — повернуться было негде. Это была интеллигентная формация 60-х. Не стыдно было носить годами один и тот же костюм, но стыдно было не читать Пастернака и Цветаеву. Боря работал тогда в НИИ труда. Он автор более ста научных трудов по проблемам клинической физиологии и гигиены, ученый, разработавший ряд основополагающих вопросов по теории медицины, которые я испытала на себе. Он был врач милостью Божьей, но для нас он был, прежде всего, другом. Он из той категории людей, для которых дружба — понятие круглосуточное. К нему можно было завалиться ночью в истерику от плохо и наскоро сделанного ремонта, на который ушла моя месячная зарплата библиотекаря ("три рубля в день", как с горечью говорил мой папа). Он сначала приводил в чувство, а потом соображал, у кого бы занять денег, потому что в семье врача и актрисы денег отродясь не

бывало. Деньги он, в конце концов, доставал. Так мы жили: скудно, бедно, но интересно. И всегда чувствовали локоть друг друга.

Мы обожали Пушкина. Если я чему и завидовала, так это Бориному умению пополнять новинками свою пушкиниану. Незадолго до отъезда я "взяла реванш" — достала "Донжуанский список Пушкина". Так он его — представьте — постраично не скопировал (копировальные машины тогда были большой редкостью), а сфотографировал! В домашних условиях, без приспособлений, согнувшись над столом. Эта экзекуция — не над Губером, над собой — продолжалась несколько часов. Но он был безмерно счастлив. И уже сюда, в Америку, с любой окаязией он присылал мне книги о Пушкине, которые я когда-то хотела иметь, но не смогла достать.

Боря — существо необыкновенное, таких больше не производят. Человек высочайшего благородства. Самоотверженный сын. Самоотверженный отец. Самоотверженный муж. Самоотверженный друг. Вложите в это четвережды повторенное слово его изначальный смысл — человек, отвергающий собственные интересы ради интересов других, — и вы получите портрет Бориса Степановича Куклова.

Его к нам в дом привела Лена — на смотрины. Посидев для приличия немного за столом, я вызвала невесту на кухню и строго, на правах старшей, отчитала: "Чего тут смотреть, это же доктор Дымов, ты что, сама не видишь? Повезло тебе! Только не будь попрыгуньей". Много воды утекло с тех пор. Они уже 35 лет вместе. Слава Богу!

Они не отговаривали нас от отъезда именно потому, что были настоящими друзьями. Сами ехать не собирались, не могли жить без Одессы. К тому же Лена была артисткой, чтицей, профессия намертво привязала ее к родному языку. Мысль оказаться вне русской языковой среды пугала ее.

С Леной мы познакомились в парке Ильича, разбитом возле Привоза на месте старого еврейского кладбища. На подмостках тоненькая большеглазая девочка читала "Нунчу". Помню, что исчез вдруг парк культуры на костях, заплавленные окурками аллеи, танцплощадка, откуда доносились звуки фокстрота, и я очутилась в Риме на площади Святого Якова, возле фонтана, у которого любил отдыхать Джованни Боккаччо.

А возле фонтана на фоне белой церковной стены стояла со своей тележкой Нунча — веселая, гордая, страстная Нунча, первая красавица и первая танцовщица квартала.

Так бывало всегда. Что бы ни читала Лена Куклова, кого бы ни брала она себе в соавторы: Пушкина или Марину Цветаеву, Маршака или Паустовского, Чехова или Алексина, — она растворялась в судьбе их героев без остатка. Она заставляла нас сопереживать им так, как будто они были реальными людьми, а не литературными героями.

Я увела эту чудо-девочку с этих убогих подмошков, где подвизались "лекторы по распространению", к себе домой. Тогда у Лены не было ни высшего гуманитарного, ни регулярного театрального образования. Все, что у нее было, — это десятилетка, природой поставленный голос, абсолютный слух и умение жить в образе. Она посещала студию при Доме актера, руководителем которой была известный режиссер-педагог Зинаида Григорьевна Дьяконова. Она и была единственной наставницей начинающей чтицы Елены Кукловой, она разглядела и сберегла его удивительный дар, и Лена до сих пор благодарна ей.

После нашего отъезда в 1976 году мы виделись дважды: в 1994 году мы с мужем впервые приехали в Одессу на 200-й юбилей города. В 1997 году Кукловых в первый раз выпустили в гости к сыну в Нью-Йорк. Леночка стала лауреатом двух литературных премий: Ивана Рядченко, известного одесского поэта, чьи стихи она читала в своих программах, и Константина Георгиевича Паустовского — за пропаганду его творчества. Рядченко в свое время посвятил Лене не одно стихотворение:

Когда читает Леночка Куклова, —
Неважно, проза это или стих.

По слухам, ею сказанное слово

Порой доходит даже до глухих.

К 35-летию сценической деятельности Лена Куклова обновила свои программы и подготовила новые. 35 программ за 35 лет. Ее талант окреп и расцвел. Она стала настоящим Мастером. У нее много поклонников, которые следуют за ней с концерта на концерт, каждый раз находя что-то новое в ее интерпретации. Юбилей Елены Яковлевны Кукловой превратился в праздник культуры для всего города.

Любимый поэт Кукловой — Цветаева. Она задумала композицию

"Мой Пушкин" еще в начале 70-х, когда стихи Цветаевой можно было найти только в журналах. Сколько сил и времени потратил Боря, чтобы разыскать эти стихи по межбиблиотечному абонементу! Программа была подготовлена с великой любовью и тщанием, с предвкушением радости открытия слушателями великого поэта. И — сходу запрещена одесским партийным начальством. Почему? Нельзя — и все. Не время. Надо подождать. Неизвестная партийная дама, не прочитавшая ни одной цветаевской строчки, самонадеянно решила посмертную судьбу поэта.

Актриса и ее муж бились головой о войлочную стенку. Ударов не было слышно, но их отбрасывало, как мячики, на исходные позиции. Несколько лет продолжалась эта неравная борьба. Публикация Цветаевой уже давно была разрешена, ее издавали огромными тиражами по всей стране, а одесские держиморды все еще держали глухую оборону вокруг имени поэта.

Боря поехал в Москву и обратился за помощью к доктору искусствоведения, члену редколлегии "Литературного наследия" Илье Самойловичу Зильберштейну. Авторитет ученого, его связи, его уважение к имени Цветаевой и таланту актрисы возымели действие. В 1975 году Цветаеву выпустили из одесского заточения. Лена объездила с ней весь Советский Союз, всюду встречая восторженный прием. Но самой высокой наградой ей было признание и любовь сестры Марины Ивановны — Анастасии.

Цветаева — не легкий для чтения и понимания поэт. Перепады ритма, рваная строка, затемненные метафоры, немыслимые рифмы и эти тире, в которых больше смысла, чем в иных словах. Поэт Владимир Гандельсман пишет о поэзии Цветаевой: "Ее стихи похожи на раскопы... Ее пресловутые тире подобны лопате, отбрасывающей пласты слов в поисках клада... Это не скрупулезное просеивание почвы, а яростный уход в глубину: или пан, или пропал".

Для мелодичного ли голоса Елены Кукловой, для ее ли женственной природы эта неженская поэзия? Но она сумела объединить две стихии — цветаевскую неистовость и божественную пушкинскую гармонию — в единое целое в композиции "Мой Пушкин", в той самой, арестованной.

Мы сидим у нас дома, на Мэдисон, как бывало сживали на Кузнечной. И Лена читает. Тоненьким голоском за девочку Мусеньку, убежденную, что к ним в гости приходил "памятник Пушкина", и страстно-нетерпеливым — за Марину Ивановну, которая иначе не умела. Марина толкует нам, непосвященным, что Татьяна словами "Я вас люблю, к чему лукавить?" добровольно отказалась от своей, так дорого доставшейся ей победы.

А потом лились божественные пушкинские строки объяснения Онегина с Татьяной у нее в будуаре, и там было все: и гнев, и боль, и горечь, и ирония. Вся буря чувств поднявшейся со дна оскорбленной души. Не было только "злогобного веселья", которого опасался Онегин, потому что эпитет "злойбный" несовместим с Татьяной. Но Онегин судит по себе: уж он-то повеселился бы. И ни единой неверной интонации. И благородство, органичное, незаемное.

Лена раскрыла мир Татьяны "тихо, просто", без жестикуляции, без наигрыша — с помощью одного лишь голоса. И мы, знаящие "Онегина" наизусть с детства, словно впервые постигли всю глубину трагедии женщины, для которой слова "долг" и "честь" были превыше любви.

"С кем ты там будешь говорить о Пушкине?" — сокрушалась Леночка, провожая нас в Америку. Мы представляли себе эмиграцию как лунную пустыню. Было, Леночка, было с кем говорить и писать. Мы унесли Пушкина в эмиграцию с собой в своих сердцах. И даже свою диссертацию в Нью-Йорке я делала о Пушкине в Одессе. "Рассудку вопреки, наперекор стихиям".

В прошлый их приезд четыре года тому назад я "угощала" их Всемирным торговым центром. Они поднялись на смотровую площадку на 102 этаже и замерли от восторга. А я вошла их по зданиям и территории, гордясь так, будто я сама создала это архитектурное чудо. У меня было такое же чувство сопричастности к нему, как некогда к Одесскому оперному театру. И они разделили чувство и увезли с собой в Одессу память об этом чуде света. В череде американских впечатлений это было самое незабываемое.

11 сентября в шесть часов у Леночки должны были быть очень ожидаемые всеми нами и ею самой Цветаевские чтения в библиотеке Донелл...

Крушение двух красавиц-башен они наблюдали по телевизору, не веря своим глазам. Не веря, что такое возможно. Какую память об этом ужасе они увезли с собой в Одессу? Как с этим жить дальше нам, оставшимся здесь?

"Вечерний Нью-Йорк",
19-25 октября 2001.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. 77-33-705).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N _____. Газета отпечатана в типографии "СІЧ".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Марашлевская, 7. Тел. 724-01-35. www.odessitclub.org.